С. Н. Захарова, Г. М. Юстинская

Русская литература 6

Часть 1

С. Н. Захарова, Г. М. Юстинская

Русская литература

Учебное пособие для 6 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

Под редакцией С. Н. Захаровой

В двух частях

Часть 1

Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2019

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я721
З-38

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра литературы и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова» (кандидат филологических наук, доцент *А. В. Иванов*);

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Гимназия № 24 г. Минска» *Т. Ю. Пантелеева*;

кафедра современных методик и технологий образования государственного учреждения образования «Академия последипломного образования» (кандидат педагогических наук, доцент кафедры *И. Н. Слесарева*);

учитель русского языка и литературы квалификационной категории «учитель-методист» государственного учреждения образования «Гимназия № 10 г. Минска» *Т. А. Квятинская*

Условные обозначения:

— повторение изученного;

— определение новых терминов и понятий;

— вопросы и задания для самостоятельной работы;

— задания для самостоятельной работы по выбору учащихся (в том числе творческого характера);

— материал справочного характера;

— вопросы и задания для обобщения изученного;

— задания из электронного образовательного ресурса «Русская литература. 6 класс», размещённого на национальном образовательном портале http://e-vedy.adu.by.

ISBN 978-985-594-314-4 (ч. 1)
ISBN 978-985-594-316-8

© Захарова С. Н., Юстинская Г. М., 2019
© Оформление. НМУ «Национальный институт образования», 2019

Введение

За всю историю своего развития человечество сделало немало открытий: люди научились добывать огонь, использовать электричество, энергию ветра и воды и т. д. Но только появление бумаги и письменности, а значит, и книги позволило сохранить и передать этот опыт. Сначала литературой называли любые написанные тексты, а затем выделилась художественная литература.

Художественная литература — особый вид искусства, в котором мир отображается через словесные образы.

На развитие художественной литературы всегда влияют те изменения, которые происходят в жизни людей. Первоначально литература была очень тесно связана с устным народным творчеством.

Устное народное творчество — словесные произведения, передающиеся из поколения в поколение преимущественно в устной форме, автор которых неизвестен; иначе — *фольклор*.

В фольклоре сложилось разделение произведений на *роды* — большие группы произведений, которые различаются построением и содержанием. Выделение эпоса, лирики и драмы сохранилось и в художественной литературе (табл. 1).

Таблица 1

Литературные роды и жанры

Род	Отличительные черты	Жанры
Эпос	Повествует о событиях, поступках героев	Рассказ, сказка, басня, миф, повесть
Лирика	Раскрывает внутренний мир человека, передаёт его эмоции и чувства, тончайшие переживания	Песня
Драма	Предназначена для постановки на сцене, где герои говорят и действуют	Комедия, трагедия, драма

Многие жанры (легенды, сказки, повести и др.) и образы (богатыри, сказочные персонажи и т. п.) пришли в литературу из фольклора.

Жанр — разновидность литературного произведения (сказка, рассказ, басня, повесть, песня и др.).

Некоторые средства художественной выразительности (например, эпитеты, сравнения и др.) появились в устном народном творчестве, а затем стали важнейшей частью литературных произведений.

Через литературные произведения потомки узнают о прошлом, о жизни своих предков. Например, из летописей известно, с какими странами торговала и воевала Древняя Русь, кто был правителем, как жили люди в давние времена. Многие писатели даже сегодня обращаются к образам и темам, впервые описанным в древнерусских книгах. В этом состоит важнейшее значение *древнерусской литературы* (XI—XVII века).

Каждая эпоха обогащает художественную литературу новыми авторами, образами, темами и жанрами. Например, в XVIII веке в русской литературе появились новые жанры: оды, послания, эпиграммы. В этот период наблюдается расцвет

творчества М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, формируется как писатель И. А. Крылов — известный русский баснописец.

XIX век считается сокровищницей *русской классической литературы*, он ещё называется её золотым веком. В это время создавали свои шедевры А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов и Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Л. Н. Толстой и многие другие писатели. Русская литература в XIX веке развивалась очень стремительно. Именно тогда она получила мировое признание.

В начале XX века творчество А. А. Блока, А. А. Ахматовой, В. В. Маяковского и многих других писателей было названо Серебряным веком. Это был расцвет поэзии, время экспериментов, которое вызвало появление новых жанров и образов.

Сегодня русская литература продолжает развиваться, обогащается новыми именами и произведениями.

1. Объясните, что объединяет литературу и фольклор и чем они различаются.
2. Пользуясь таблицей 1, расскажите о литературных родах и жанрах. Приведите примеры произведений известных вам жанров. Вспомните их авторов.

3. Прочитайте высказывания о пользе чтения.

   1. Люди перестают мыслить, когда перестают читать *(Д. Дидро)*.
   2. Книги — это друзья, бесстрастные, но верные *(И. В. Гёте)*.
   3. Успешных людей много, но всех их объединяет одна привычка — чтение книг *(Р. Кириллов)*.

   С какими из них можно согласиться или поспорить? Объясните свою точку зрения.
4. Составьте синквейн «Литература как вид искусства». Синквейн — стихотворение из пяти строк, где:

   1-я строка — имя существительное, отражающее тему синквейна;
   2-я строка — два прилагательных, характеризующих тему;
   3-я строка — три глагола;
   4-я строка — фраза из 4 слов о главном в теме;
   5-я строка — имя существительное, качественно характеризующее тему.

Устное народное творчество и литература

Русские былины

Былины — жанр устного народного творчества, повествующий о героических событиях из истории Древней Руси IX—XIII веков.

События, описанные в былинах, воспринимались народом как реальные, поэтому другое название былин — *стари́ны*. Они отражали наиболее важные события из древнерусской истории, учили любить Родину, быть готовыми защищать её от врагов.

Учёные выделяют две большие группы былин — *циклы*. Герои былин киевского цикла — воины-богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович. Герои новгородских былин — купцы: Садко и Василий Буслаев.

1. Объясните, почему былина является эпическим произведением.
2. Чему учат былины?
3. Узнайте, у каких былинных героев есть прототипы — реально существовавшие исторические лица.
4. О ком из современных людей можно было бы сложить былину? Объясните, почему вы так думаете.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

(В сокращении)

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный[1] добрый молодец.
Он стоял заутреню[2] во Муроме,
А й к обеденке[3] поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным черно.
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою[4] никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

1. Найдите эпитеты, повторы и гиперболы, изображающие врагов.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою[5].
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

2. Почему Илья Муромец отказался быть воеводою в Чернигове?

---

[1] *Доро́дный* (устар.) — рослый, с крупной фигурой.
[2] *Зау́треня* — утренняя церковная служба.
[3] *Обе́дня* — дневная церковная служба.
[4] *Пехо́тою* — здесь: пешком.
[5] *Воево́да* — в Древней Руси: начальник войска.

Ил. В. М. Васнецова

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусскиий!
Прямоезжая дорожка заколодела[1],
Заколодела дорожка, замуравела[2].
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добро́м коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрноей,
Да у той ли у берёзы у покляпыя[3],
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова[4]
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.

1. Как В. М. Васнецову удалось показать богатырские черты коня и его хозяина?

---

[1] *Заколо́деть* — забросать колодами (стволами упавших деревьев).

[2] *Замура́веть* — зарасти травой.

[3] *Покля́пая* — пригнутая книзу, искривлённая.

[4] *У того креста́ у Левани́дова* — деревянные кресты в старину ставили над могилами погибших в дороге.

И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земли все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольноей дорожкой — цела тысяча.

1. Каким предстаёт Соловей Разбойник? Насколько губительна его сила?

Он спустил добра́ коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы на́ гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрноей,
Да ко тою ко берёзе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Тёмны лесушки к земле все приклонилися.

2. Перечитайте описание коня Ильи. Для чего здесь нужны гиперболы?

3. Какими художественными средствами изображается свист Соловья Разбойника?

Его добрый конь да богатырский,
А он на́ корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белу́ руку́,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на́ корни, собака, спотыкаешься?

Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый[1],
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею[2],
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту́ полю́,
Мимо гнёздушка повёз да соловьиного. <…>

1. Что помогло богатырю победить Соловья Разбойника?

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со Божье́й церкви́,
Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку[3],
Он сел есть, да пить, да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту[4] он дверь ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,

---

[1] *Разры́вчатый* — тугой лук. Когда тетива отпущена, упругий лук издаёт резкий звук, как бы разрывая воздух.

[2] *Коси́ца* — висок.

[3] *Го́ренка* — небольшая жилая комната.

[4] *На пяту́* — широко, настежь.

Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным[1].

Тут Владимир-князь стал мóлодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний[2], дородный
добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

1. Перечитайте, как ведёт себя Илья перед князем. Каков богатырь здесь?

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

---

[1] *Подколéнные князья́* — младшие князья, подчинённые князю Владимиру.

[2] *Откýлешний* — откуда.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же, мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься[1],
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добро́м коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Чёрноей
Да у славноей у речки у Смородины,
А й у той ли у берёзы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земли все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

1. Почему князь не верит богатырю? Каким тоном он говорит с Ильёй?

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он к стремени булатному прикованный.

2. Какими художественными средствами создан образ князя?

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы́ ножки́,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко́,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

---

[1] *Подлыга́ться* — лгать.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати. <…>

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же, Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в по́лсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во по́лкрика звериного. <…>

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки[1] на теремах покривились,
А околенки[2] во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людушек — так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

1. Устоял ли князь перед свистом Соловья? Почему он не погиб?

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-ма́терей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек! <…>

---

[1] *Ма́ковка* — купол круглой или овальной формы.
[2] *Око́ленка* — оконная рама со стёклами.

1. К какому циклу относится эта былина? О чём она повествует?
2. Почему свист Соловья Разбойника описывается несколько раз?
3. Каким предстаёт князь Владимир из былины? Как он относится к русским людям, богатырю и к врагам? Какие черты в его образе самые важные?

4. Составьте «Богатырский словарь». Включите в него слова, описывающие богатырское снаряжение, способ ведения боя, врагов богатыря. Подберите иллюстрации к составленным вами словарным статьям.
5. Посмотрите мультфильмы «Илья Муромец и Соловей Разбойник» 2007 года (режиссёр В. Торопчин) и 1978 года (режиссёр И. Аксенчук). Сравните ключевые образы: внешность, манера говорить, поступки. Какое из мультипликационных воплощений богатыря ближе к представлению наших предков? Противоречит ли современный образ Ильи Муромца былинному?

6. Прослушайте запись с исполнением былины. Прочитайте выразительно понравившиеся отрывки былины. Объясните, в чём проявляется песенный характер былины.

Жанровые особенности былины

Былина имеет особую ***композицию***. Она открывается зачином. В основной части герой совершает подвиг во имя высокой идеи (защита русской земли). Здесь есть и кульминация — самый напряжённый момент повествования. Завершается былина концовкой — прославлением богатыря.

Исполняли былины *речитативом*. Под музыку гуслей *сказители* их рассказывали нараспев. Напевность речи передаётся в былинах с помощью большого количества повторяющихся слов и одинакового начала строк. Для создания особого ритма часто появляются дополнительные слова («Да й подъехал он *ко* славному *ко* городу *к* Чернигову»). Иногда «выпадают» гласные (прохаживат, проезживат, пролётыват), а вместо союза *и* звучит [й].

Сила и ум героев былин подчёркиваются с помощью гипербол (преувеличения мощи богатырей, численности врагов,

которых богатыри победили, и т. д.). Большую роль в характеристике образов былин играют постоянные эпитеты (буйна голова, сыра земля и т. д.).

Былина, наряду с мифом и сказкой, относится к эпическим произведениям устного народного творчества. Как правило, мифы и сказки древнее былин.

Миф — это повествование о богах и героях. В мифах объяснялось, как был сотворён мир и как он устроен.

Герои мифов тоже совершают подвиги и участвуют в битвах, но делают это не ради спасения родной земли. Врагами в мифах выступают чудовища, мифические существа.

Сказка — небольшое эпическое произведение со счастливым финалом, основанное на вымысле и использовании фантастики.

Сказочные герои отличаются от былинных. В сказке все действия героя направлены на получение личной выгоды (найти невесту или жениться, получить волшебный предмет). Богатырь же совершает подвиги во благо всего народа, прославляет русское оружие, побеждая врагов земли Русской.

В былине, как и в сказке, есть зачин. Но в сказке в нём дана установка на волшебный, условный мир: «В некотором царстве, в некотором государстве...». В былинном зачине содержатся указания на реальный, конкретный мир: «Из того ли то из города из Мурома...».

В сказке основной способ создания образов — фантастика, вымысел. В былине сила богатыря и его победы подчёркиваются гиперболами и повторами.

1. Кто исполняет былины? В чём особенности исполнения былин?
2. Объясните, с какой целью и какие именно средства художественной выразительности чаще всего используются в былинах.
3. Почему нельзя назвать богатырей сказочными героями, а былины — сказками?

4. Чем зачин и концовка былины отличаются от сказочных?
5. Что легче читать: былины или сказки? Почему?
6. Вспомните мифы Древней Греции. За что почитали греки великого героя Геракла? Почему он завоевал себе бессмертие? Назовите черты, которые присущи и Илье Муромцу, и Гераклу. Чем различаются герои?
7. Проведите учебное мини-исследование «Кто такой Илья Муромец: реальная историческая личность или мифический герой?».

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

(1817—1875)

А. К. Толстой — русский писатель, поэт, драматург, член-корреспондент Петербургской академии наук — начал писать стихи с шести лет. Его дядя, писатель А. Погорельский, специально для любимого племянника написал сказку «Чёрная курица, или Подземные жители». Он познакомил подростка Алёшу Толстого с Александром Сергеевичем Пушкиным. Дядя брал мальчика в заграничные поездки, чтобы тот своими глазами увидел знаменитые соборы и картинные галереи.

Большинство произведений А. К. Толстого написано на исторические и легендарные темы. Во многих из них рассказывается о богатырях и рыцарях. И сам Алексей Константинович был похож на своих героев — рыцарей и былинных богатырей, оборонявших границы Древней Руси от захватчиков. Он был мечтателем и фантазёром, ходил на охоту на медведя, разгибал руками подковы.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

(В сокращении)

Под бронёй[1], с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

Едет бором, — только слышно,
Как бряца́ет бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживёшь?

1. Каково эмоциональное состояние Ильи Муромца? Что беспокоит героя?

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

2. В чём причина конфликта Ильи и князя Владимира?

Но обнёс меня ты чарой[2]
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый[3],
Уноси Илью! <...>

Правду молвить, для княжо́го
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора! <...>

---

[1] *Броня́* — металлическая одежда воина, защищающая туловище. У Ильи Муромца броня с простым набором, т. е. без украшений.

[2] *Ча́ра* — древнерусский металлический сосуд.

[3] *Чуба́рый* — конь пятнистой масти.

Душно в Киеве, что в скрине[1],
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой, и земляникой
Пахнет тёмный бор.

1. Как следует понимать выражение «Государыне-пустыне / Поклонюся вновь!»? Какое состояние Ильи передают эти слова?

2. Почему богатырь к концу стихотворения «просветлел лицом»?

3. Выберите из стихотворения строки, в которых есть описание природы. Как она влияет на героя и читателя?

1. Найдите слова, в которых Илья Муромец характеризует себя сам. Почему речь богатыря насыщена просторечными словами и выражениями, фразеологизмами и сравнениями? Дайте им толкование.
2. Почему в стихотворении много восклицательных предложений?
3. Найдите в произведении противопоставления. Как они подчёркивают жизненную позицию героя?
4. Найдите строки, которые в стихотворении повторяются. С какой целью поэт использует их?
5. Выпишите из произведения слова, выражающие отношение автора к герою. Совпадает ли оно с народной оценкой, данной в былине? Какие качества Ильи Муромца воспел поэт в своём стихотворении?

6. Почему А. К. Толстой, поэт XIX века, обращается к былине?
7. Какие черты былины есть в произведении «Илья Муромец»?

[1] *Скри́ня* (старин.) — сундук.

Древнерусская литература

В X—XII веках Древнерусское государство поддерживало дипломатические и культурные отношения со странами Западной Европы и Востока. Развивались города, а в них — ремёсла.

В 988 году Древняя Русь приняла христианство, поэтому появились книги для богослужения — это так называемая *церковная* литература. Церковные книги переводились, как правило, с греческого языка. Для этого был создан специальный алфавит, который используется и сегодня и называется *кириллицей*.

В IX веке были созданы две азбуки. Первой появилась глаголица. Её авторами называют Кирилла и Мефодия. Считается, что кириллицу разработали их последователи.

В этот период на русские земли из Европы и Византии пришла также *светская* литература — нерелигиозные тексты, повествующие о жизни обычных людей. Эти произведения не просто переводили, а перерабатывали и дополняли русскими реалиями (табл. 2).

Таблица 2

Своеобразие древнерусской литературы

Древнерусская литература			
Переводная		Оригинальная	
произведения, переведённые с других языков (с древнегреческого, латинского и др.)		произведения, написанные местными авторами	
церковная	светская	церковная	светская

Первые книги появились в Древней Руси в XI веке. Они были написаны на церковнославянском языке. ***Древнерусская литература*** была *рукописной*. Другого способа распространения книг в те времена не существовало.

Автор большинства древнерусских книг *неизвестен*. Переписчик был не только редактором, но и своеобразным соавтором произведения. Он мог вносить изменения в текст книги, поэтому многие произведения древнерусской литературы существуют *в нескольких вариантах*.

«Древние книги были рукописными и представляли собой своеобразное произведение искусства. Обложки книг делали из дощечек, обтянутых кожей или какой-либо дорогой тканью — бархатом или парчой. Они завязывались шнурками или застёгивались металлическими застёжками. Обложки самых роскошных книг украшали драгоценными камнями, узорами из золота и серебра».

Из-за особой обложки древнерусской книги появилось выражение «прочитать от доски до доски». Это значит прочитать от начала до конца, ничего не пропуская.

Переписывание книг было долгим и кропотливым трудом. Сохранились записи о том, что над книгой работали вечером или даже ночью: «Уже нощь, вельми темно».

«Новгородская псалтырь» и «Остромирово Евангелие» считаются самыми древними русскими рукописными книгами. Известно, что «Остромирово Евангелие» было переписано за 7 месяцев (с октября 1056 года по май 1057 года). В книге 294 листка, значит, в день переписывалось около полутора листков.

Бумажные книги, похожие на современные, появились только после изобретения печатного станка. До XIV века материалом для страниц рукописных книг служил *пергамент* — специально выделанная кожа. Для письма использовались гусиные перья и чернила разных цветов. Начальные буквы статьи (их называли *буквицы*) писали *киноварью* — красным цветом. Отсюда и название «красная строка». Буквица должна была заинтересовать читателя, привлечь его внимание. Выписывалась она крупнее основного текста, была украшена орнаментом, в котором угадывались зверь, птица или человеческое лицо. На отдельных страницах и даже на полях размещались рисунки.

Летописи свидетельствуют, что уже в первой половине XI века были открыты библиотеки в Киеве и других городах. Сохранились имена князей, имевших значительные книжные собрания. Например, большую библиотеку имели епископ города Турова Кирилл и выходец из Смоленска Климент Смолятич.

1. Поясните, что такое древнерусская литература. Почему она возникла? Почему древнерусскую литературу изучают и сегодня?
2. Назовите не менее трёх признаков древнерусской литературы, которые отличают её от современной.
3. Опираясь на текст учебного пособия и иллюстрации форзаца 1, расскажите о том, как создавались, украшались и где хранились книги у наших предков.
4. Используя материалы статьи, расскажите, чем древняя книга отличается от современной — печатной и электронной.

Летописи

Летопись — жанр древнерусской литературы, в котором содержится документальное изложение каких-либо прошлых или современных летописцу событий.

События, описанные в летописи, расположены в хронологической последовательности. Записи, как правило, делались по годам. В летописях объединялись произведения разных жанров: сказания, жития, поучения.

Сказание — жанр древнерусской литературы, в котором повествуется об историческом лице или событии.

Житие — произведение о жизни святых. Оно создавалось по определённым правилам: трудное детство и взросление святого сопровождались различными чудесами. Житие всегда завершалось восхвалением святого. Хотя жанр возник в древнерусской литературе, жития продолжают создаваться и в наше время — в них рассказывается о новых святых.

Поучение — произведение, в котором содержатся наставления о правилах поведения. Ярким примером этого жанра являются «Слова» и «Поучения» Кирилла Туровского, которого называли «русским Златоустом», а также «Поучение Владимира Мономаха».

В Древней Руси летопись играла очень важную роль, так как не только сообщала о прошлом, но и была политическим и юридическим документом, рассказывала, как необходимо поступать в определённых ситуациях.

«Повесть временных лет» — древнейшая русская летопись, созданная в начале XII века Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря. Полное заглавие

летописи на современном языке звучит так: «Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля».

1. Какие жанры существовали в древнерусской литературе? Дайте их определения.

2. Попробуйте записать события своей жизни в жанре летописного сказания с соблюдением стиля и указанием даты согласно древнему летоисчислению, а также создать обложку к вашей летописи. Помните, что древнюю книгу украшали заставками и иллюстрациями, «одевали» в переплёт, который является шедевром. Представьте свою творческую работу на литературной выставке в классе или виртуальной выставке на интернет-ресурсе.

3. По материалам ресурса узнайте, как появилось слово «летопись». Произошли ли изменения в написании и значении слова? Выступите с сообщением в классе.

СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА

И жил Олег, княжа в Киеве, мир храня со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить и уже не садился на него. Ибо когда-то спрашивал он волхвов[1] и кудесников[2]:

— От чего мне умереть?

И сказал ему кудесник один:

— Княже! Коня любишь и ездишь на нём — от него тебе и умереть!

Олегу запали слова эти в душу, и сказал он:

— Никогда не сяду на него и не увижу его больше.

---

[1] *Волхвы́* — предсказатели, волшебники; они молились богам, лечили людей, а также сохраняли древние сказания, передавая их следующим поколениям.

[2] *Куде́сник* — здесь: человек, владеющий сверхъестественными способностями.

И повелел кормить коня и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошёл на греков.

Когда вернулся Олег от Царьграда[1] в Киев и прошло четыре года, на пятый год вспомнил он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старшего конюха, и сказал:

— Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?

Тот же ответил:

— Умер!

Олег тогда засмеялся и укорил того кудесника, сказав:

— Не правду говорят волхвы, но только ложь: конь умер, а я жив.

И повелел оседлать себе коня:

— Да увижу кости его.

И приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал:

— От сего ли черепа смерть мне принять?

И ступил ногою на череп. И выползла змея из черепа, и ужалила его в ногу.

И с того разболелся и умер. И оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили его на горе, называемой Щекови́ца. Есть же могила его и до сего дня, слывёт могилой Олеговой. И было всех лет княжение его тридцать и три.

Олег — первый киевский князь (879—912). Человек предприимчивый и воинственный, Олег был прозван вещим[2] после победоносного похода в 907 году на Царьград. В результате похода русские получили богатую дань с византийцев и спустя несколько лет подписали с Византией первый мирный договор.

---

[1] *Царьгра́дом* на Руси называли Константинополь — столицу Византии. По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Царьграда в знак победы.

[2] *Ве́щий* — мудрый, обладающий даром предвидения.

1. Какими чертами наделён в произведении князь Олег?
2. По каким признакам можно догадаться, что «Сказание о смерти князя Олега» относится к древнерусской литературе?

Александр Сергеевич ПУШКИН

В 1820 году А. С. Пушкин, сосланный Александром I за вольнолюбивые стихи на юг, не раз бывал в Киеве, где один из курганов на берегу Днепра называли могилой Олега. Читая «Львовскую летопись», поэт встретил предание о князе Олеге и захотел об этом написать. Пушкин закончил работу над произведением, которое назвал «Песнь о вещем Олеге», 1 марта 1822 года. Оно по-своему дополнило содержание летописи, помогло представить исторических героев и проследить их судьбу.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам[1],
Их сёлы и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам[2];
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

[1] *Хаза́ры (хоза́ры)* — народ, живший в низовьях Волги и на Северном Кавказе в VIII—XI веках.

[2] *Обрёк он мечу́м и пожа́рам* — разрушил, сжёг.

Ил. В. Н. Лосина

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует не́друг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ[1], и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы…
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрела́ми врагов,
То мчится по бранному полю[2].
И холод, и се́ча ему ничего…
Но примешь ты смерть от коня своего».

---

[1] *Пращ* — сложенный петлёю ремень или верёвка для метания камней.

[2] *Бра́нное по́ле* — поле битвы. *Брань* (устар.) — битва.

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершúсь на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.

Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други[1], возьмите коня,
Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Ил. В. М. Васнецова

[1] *О́троки-дру́ги* — здесь: слуги князя.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана…
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они…

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый[1]?
Здоров ли? всё так же ль легóк его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет[2] ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на хóлме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль[3].

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!

---

[1] *Ретúвый* — здесь: быстрый, бойкий.
[2] *Внимáть* — слышать (отсюда: внимательный).
[3] *Ковы́ль* — степной дикорастущий злак с узкими листьями.

Ил. В. М. Васнецова

Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне[1], уже недалёкой,
Не ты под секирой[2] ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея,
Шипя, между тем выползала;
Как чёрная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запе́нясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

---

[1] *Три́зна* — похоронный обряд у славян.
[2] *Секи́ра* — старинное оружие в виде топора на длинной рукояти.

1. Сформулируйте тему произведения. В чём сходство «Песни…» с летописным сказанием?
2. На сколько смысловых частей можно разделить произведение? Составьте цитатный план «Песни…».
3. Подготовьте выразительное чтение диалога Олега и кудесника (с. 23—24). Как раскрываются отношения «могучего владыки и мудрого старца» в их диалоге? Как с помощью интонации передать состояние князя и волхва?
4. Что вас поразило в заключительном эпизоде? Почему Олег принимает смерть от коня?
5. Почему автор назвал Олега вещим? Можно ли вещим назвать кудесника?
6. Почему поэт назвал своё произведение «Песнью…»? В каком жанре оно написано? Как построено произведение? Прочитайте отрывок, содержащий кульминацию произведения.
7. Перескажите понравившийся вам отрывок стихотворения, используя изобразительно-выразительные средства, встречающиеся в тексте (эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения и др.).
8. Какие эпизоды «Песни…» соответствуют фрагментам, запечатлённым на иллюстрациях художников В. Н. Лосина и В. М. Васнецова (с. 26, 27, 29)? Опишите изображённых на них персонажей.
9. Есть ли в тексте «Песни…» и в «Сказании о смерти князя Олега» описание внешности Олега? Сравните разные изображения князя (форзац 1, с. 26, 29). Какие из них и почему больше соответствуют летописному тексту, а какие — пушкинскому произведению?
10. С какой целью А. С. Пушкин применяет устаревшие слова? Используя их, расскажите об обычаях и нравах того времени.
11. Создайте электронный энциклопедический справочник для древнерусских слов, использованных в «Песне…». Сопроводите толкование каждого слова рисунком или фотографией. Укажите источники (словари, энциклопедии, интернет-ресурсы), из которых можно получить более подробную информацию.
12. Переведите небольшой фрагмент (приблизительно 10 строк) из пушкинского текста на белорусский язык. Постарайтесь сохранить стихотворный ритм и образы оригинала.
13. Ознакомьтесь со справочным материалом о княжении Олега и расскажите об этом князе.

Басня как эпический жанр

Басня — небольшой стихотворный или прозаический рассказ, основанный на использовании аллегории и имеющий поучительный вывод — мораль.

Аллегория — иносказание, способ маскировки настоящего смысла, который автор хочет спрятать за художественными образами. В баснях, как правило, героями являются животные. Но они ведут себя так, как люди, являются носителями черт человека. Лисица наделяется хитростью, волк — жадностью и глупостью, медведь — ленью, осёл — глупостью и т. д. Читатель понимает, что баснописец хотел обратить внимание на человеческие пороки и недостатки, а не на поведение животных.

Мораль — поучительный вывод, которым обычно заканчивается басня. Нередко в роли морали используются пословицы и поговорки. Но гораздо чаще мораль из басни сама становится популярным изречением. Например, из басен И. А. Крылова пришли такие изречения, как: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», «Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое» и др. А из басен Эзопа появились: «Одна ласточка весны не делает», «Не всегда будет лето» и т. д.

Басня — очень древний жанр. Первым известным баснописцем был древнегреческий писатель Эзоп (форзац 1).

В VI веке до нашей эры он создавал свои поучительные рассказы (басни Эзопа написаны прозой). Эзоп был рабом, поэтому не мог писать о глупости и невежестве рабовладельцев. Чтобы изображать эти и другие пороки людей, он придумал особый язык: он описывал людей в зверином обличье. Животные действуют, думают и говорят, как люди. Такой приём в литературоведении называется *эзопов язык*. Он до сих пор часто используется в произведениях.

В XVII веке во Франции писал басни Ж. Лафонтен.

Лафонтен понял, что басни Эзопа спустя двадцать три столетия продолжают оставаться важными для людей, и стал сочинять свои басни и перерабатывать чужие сюжеты. Басни Лафонтена написаны уже стихами.

В русской литературе в разное время басни писали А. П. Сумароков, И. А. Крылов, А. К. Толстой, С. В. Михалков. Часто сюжет басен разных авторов одинаков. Но у писателей разных народов он приобретает свой смысл и национальную окраску.

1. Выпишите отличительные жанровые черты басни. Пользуясь записями, докажите, что басня — эпический жанр.
2. Расскажите о «родословной» басни. Используя ленту времени, покажите, что басня имеет многовековую историю.

3. Существует мнение, что басня — чрезвычайно трудная форма поэзии, а баснописцы — редкое явление в литературе. Подумайте, справедливо ли это мнение и как его можно доказать (или опровергнуть).
4. Нужны ли басни современному читателю? Приведите не менее трёх доказательств своей точки зрения.

Иван Андреевич КРЫЛОВ

(1769—1844)

«Дедушкой Крыловым» прозвал народ великого русского баснописца, проявляя уважение и любовь к великому сатирику.

Всю жизнь писатель настойчиво учился сам. В детстве И. А. Крылов самостоятельно научился играть на разных музыкальных инструментах. Грамоту постигал по отцовским книгам, французский язык — благодаря занятиям в семьях состоятельных соседей. А уже пожилым человеком освоил древнегреческий язык.

Первый печатный сборник И. А. Крылова состоял из 23 басен. Всего из-под пера писателя вышло больше 230 басен. Когда его как-то спросили, почему он пишет именно в этом жанре, Крылов ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слуги, и дети». В баснях писателя переданы мудрость пословиц и поговорок, богатство и красота русской речи.

И. А. Крылов стал любимым автором своего времени.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.

Ягнёнка видит он, на до́бычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший[1] Волк позволит,
Осмелюсь я доне́сть: что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», —
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досу́г мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Ил. А. М. Лаптева

1. Как ведёт себя Ягнёнок, когда Волк набрасывается на него с резкими словами? Почему Ягнёнок не убегает от Волка, а вступает с ним в диалог?

[1] *Светле́йший* — почётное обращение к особенно знатным вельможам.

2. Понаблюдайте за речью Волка и Ягнёнка. С какой интонацией надо читать слова героев? Как речь помогает выразить характер героев?
3. Прочитайте строки, в которых звучит авторское отношение к событиям и героям. Опишите героев басни. Какие чувства они у вас вызывают?
4. В чём смысл басни? Прочитайте строки, которые выражают её основную мысль. Почему мораль автор вынес в начало басни?
5. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?
6. Рассмотрите иллюстрацию А. М. Лаптева к басне «Волк и Ягнёнок (с. 34). С помощью каких деталей художник подчеркнул трагичность событий? Нарисуйте свои иллюстрации к басне, отражающие её настроение.

КВАРТЕТ[1]

Проказница Мартышка,
Осёл,
Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта[2], две скрипки
И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. —
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима[3], сяду против вторы[4],

[1] *Квартéт* — музыкальное произведение для четырёх инструментов или ансамбль из четырёх музыкантов.

[2] *Бас, альт* — струнные или духовые музыкальные инструменты с низким звучанием.

[3] *Прúма* — здесь: первая скрипка.

[4] *Втóра* — здесь: вторая скрипка.

Ил. Е. М. Рачёва

Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осёл, — мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш приве́сть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, —
Им отвечает Соловей. —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

1. Что вас рассмешило в басне больше всего? Какой герой вам показался особенно нелепым?
2. Почему именно эти звери стали героями басни? Считаете ли вы подбор героев удачным?
3. Почему судьёй выступил именно Соловей?
4. Какова главная мысль басни?
5. Ознакомьтесь с правилами составления партитуры текста и специальными условными обозначениями. Составьте партитуру басни «Квартет» или «Волк и Ягнёнок» (по выбору). Подготовьте её выразительное чтение. Выступите перед классом или сделайте аудиозапись для литературной страницы школьного сайта.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что́ за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же ещё тарелку он берёт:
Сбирается с последней силой

Ил. А. А. Попова

И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных[1] не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак[2] и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой[3] имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза, и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

1. Любил ли Фока уху? Почему угощение Демьяна стало для Фоки испытанием?
2. Прочитайте в лицах, как Демьян упрашивает Фоку съесть ещё тарелочку и ответы Фоки. Почему Демьян не слышит соседа?
3. На чьей стороне симпатия автора? Подтвердите словами из текста.
4. Какова главная мысль басни? Прочитайте строки басни, в которых она выражена.
5. Могла ли эта сценка произойти в жизни? Где, по-вашему, происходят события? Как описан быт в басне? Как автор достигает реалистичности повествования?

6. Приведите примеры из жизни или придумайте случаи, к которым можно применить мораль басни «Демьянова уха».

---

[1] *Чва́нный* — любящий славу, имеющий преувеличенно высокое мнение о себе и проявляющий пренебрежение по отношению к другим.

[2] *Куша́к* — пояс из широкого куска ткани.

[3] *Прямо́й* — здесь: настоящий, большой.

Особенности басен И. А. Крылова

Крылов писал в баснях о политических событиях («Волк на псарне» — о войне с Наполеоном), о недостатках своих современников: о чванстве («Гуси»), увлечении всем иностранным («Обезьяны»), уродливом воспитании («Воспитание Льва»), непрактичности и др.

Басни И. А. Крылова представляют собой сценки, основанные на диалоге, поэтому их очень легко разыграть по ролям, как небольшую пьесу. Двумя-тремя точными деталями писатель создавал запоминающуюся картину. Баснописец широко пользовался народной речью, сохраняя её красочность и живописность: «гуторя слуги вздор», «с натуги лопнула и околела», «ты сер, а я, приятель, сед» и т. д.

Многие меткие выражения из произведений баснописца стали крылатыми: «Услужливый дурак опаснее врага», «Схватя в охапку кушак и шапку», «А Ларчик просто открывался», «Да только воз и ныне там», «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь!», «А Васька слушает да ест!».

1. Найдите в прочитанных баснях крылатые слова и выражения. Подберите схожие по смыслу крылатые слова и выражения из прочитанных белорусских басен. Какой вывод можно сделать?
2. Разыграйте сценку из понравившейся вам басни русского или белорусского автора. Снимите своё выступление на видеокамеру и опубликуйте видеоролик на литературной странице школьного сайта.
3. Составьте краткий литературоведческий словарь из устаревших слов, указав их лексическое значение. Придумайте диалог героев басен, употребив в нём несколько устаревших слов.
4. Рассмотрите на форзаце 1 изображение памятника И. А. Крылову. Что необычно в оформлении памятника? Каким образом скульптор показал своеобразие творчества писателя? Сравните иллюстрации (форзац 1, с. 34, 36, 37) и рельефы к басням И. А. Крылова. Подберите к изображениям подходящие фразы из текстов.

Рассказ как эпический жанр

Рассказ — небольшое произведение, которое повествует, как правило, об одном случае из жизни какого-либо героя.

Рассказ требует от писателя особого мастерства: нужно уметь небольшими штрихами (художественными деталями) обрисовать героя, дать читателю достаточно информации для понимания изображаемых событий.

Героями рассказов чаще всего являются обычные люди, а не аллегорические образы животных, как в баснях, или воины-богатыри, как в былинах. В рассказах нет волшебных предметов и превращений. Все события, изображённые в них, могли бы произойти (или действительно происходили) в реальной жизни.

Рассказ часто учит читателей какой-то мудрости, но прямых выводов, похожих на мораль из басни, не содержит.

1. Какие жанры ближе всего стоят к рассказу? Запишите черты, которые объединяют: а) рассказ и сказку (вариант 1); б) рассказ и басню (вариант 2).
2. Докажите, что «Волк и Ягнёнок» (или другая басня по выбору) не является рассказом.
3. Составьте памятку для определения рассказа как жанра. Предложите одноклассникам воспользоваться ею. Узнайте, помогла ли им памятка.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

(1818—1883)

И. С. Тургенев детские годы провёл в имении Спасское-Лутовиново Орловской губернии.

Тургенев получил блестящее образование: сначала в семье, а затем в Московском и Петербургском университетах. Некоторое время писатель учился за границей. В Берлине он изучал античных классиков, римскую и греческую литературу. Затем путешествовал по Франции, Голландии, Италии, Англии.

Зарубежный уклад жизни поразил писателя, однако в большинстве своих произведений Тургенев описывает среднюю полосу России — места, где родился сам. «До И. С. Тургенева ни у кого из русских писателей не было такого редкостного дара — широкими полотнами изображать в прозе природу средней полосы России, где красота не яркая, не броская, а тихая и незаметная. Писателя привлекают оттенки красок, их едва неуловимые полутона. Он любит словесно рисовать переходы из одного состояния природы в другое: дня — в вечер, а потом в ночь, рождение утра, восход солнца».

«Автор “Записок охотника” находит прекрасное в каждом проявлении природы, пытается разгадать её вещий язык, тайну. Есть ещё одна особенность тургеневских пейзажей. В них нет прямо выраженного восхищения, восторженных слов и восклицательных знаков. Благородная сдержанность и чувство меры сочетаются с поэтичностью и тонкостью авторского восприятия всего, что он описывает».

Талант Тургенева-пейзажиста получил яркое выражение в «Записках охотника». В этот сборник вошло 25 рассказов, в том числе «Бежин луг».

В 1845 году Тургенев решил полностью посвятить себя литературе. Лето он проводил в деревне, отдавая всё свободное время охоте и общению с крестьянами и их детьми. В августе — сентябре 1850 года появился черновой план «Бежина луга». В начале 1851 года рассказ был написан в Петербурге, а в феврале был опубликован в журнале «Современник».

БЕЖИН ЛУГ

(Из «Записок охотника»)

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное[1] — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра… Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны[2], как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь

[1] *Лучеза́рное* — сверкающее, сияющее.
[2] *Лазу́рный* — цвета лазури, светло-синий.

день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости[1]. В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба…

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ[2] немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»[3] кустов, взобрался на холм и, вместо ожиданной знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидал совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался

---

[1] *Кро́тость* — покорность, смиренность.

[2] *Ягдта́ш* — охотничья сумка для дичи.

[3] *«Пло́щадь»* — в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. (Примечание И. С. Тургенева.)

частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я, — да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! Вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная[1], заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой[2]. Уже я с трудом различал отдалённые предметы;

---

[1] *Нето́рная* — ненаезженная, нехоженая.

[2] *Межа́* — граница земельных участков.

поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи.

Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую[1] собаку Дианку, решительно умнейшую изо всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине[2]. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими[3] боками; на дне её торчало стоймя несколько больших белых камней, — казалось, они сползлись туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед

---

[1] *Пе́гий* — пятнистый, пёстрый.

[2] *Лощи́на* — низменность, низко расположенная долина.

[3] *Поло́гий* — покатый, не крутой.

самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдёрнул занесённую ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её теченье. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках[1] под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков[2], дождаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую лет-

---

[1] *Околóток* — окружающая местность, окрестность.

[2] *Гуртóвщик* — хозяин и погонщик гуртов. *Гýрт* — стадо скота, которое гонят на продажу.

нюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, навострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Ил. А. Ф. Пахомова

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь, добегали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной[1], или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места

[1] *Прото́чина* — у лошадей: узкая полоса белой шерсти со лба к верхней губе.

трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума… Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной… Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему изо всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок[1], надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклочённые, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова

[1] *Армячо́к* от *арма́к* — крестьянская верхняя одежда из плотной ткани.

огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи[1] да из заплатанных портов[2]. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи[3]; толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку[4]. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки: губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные, жидким блеском блестевшие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирнёхонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котёльчик висел над одним из огней; в нём варились «картошки».

---

[1] *Замáшная рубáха* — рубаха из простой грубой ткани.

[2] *Порты́* — то же, что и штаны.

[3] *Онýчи* — портянки; кусок ткани, который наматывали на ноги под сапоги или лапти.

[4] *Свúтка* — верхняя длинная распашная одежда.

Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы[1] своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали[2] о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне[3].

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках[4] состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребятишки; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребяткам, домой

---

[1] *Пола́* — свешивающаяся нижняя часть распашной одежды.

[2] *Каля́кать* (прост.) — разговаривать, беседовать.

[3] *Ро́льня* — строение на бумажных фабриках, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Примечание И. С. Тургенева.)

[4] *Лисо́вщики* гладят, скоблят бумагу. (Примечание И. С. Тургенева.)

таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что́, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-от, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а за́ставки у дворца-то[1] спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху да по лестнице спущаться стал, и этак спущается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма[2] зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

---

[1] *Дворцо́м* называется то место, по которому вода бежит на колесо. (Примечание И. С. Тургенева.)

[2] *Фо́рма* — сетка, которой бумагу черпают. (Примечание И. С. Тургенева.)

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый. Пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл — бог знает куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со́ смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, — а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого,

что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья. — Да как же это может этакая лесная нечисть хрестиянскую душу спортить, — он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил[1], что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатях[2], всё слышал.

— Чудно́е дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Ильюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стенящий[3] звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго-долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу топким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

---

[1] *Ба́ять* — говорить, рассказывать.

[2] *Пола́ти* (устар.) — в избе лежанка, устраиваемая под потолком между печью и стеной.

[3] *Стеня́щий* от *стена́ть* — стонать, кричать со стоном.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел. — Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котёльчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котёльчик скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — начал Ильюша, — что намеднись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки[1], овраги, а в оврагах всё казюли[2] водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могилка его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький, похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, — что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясёт; однако он её отпрукал[3], сел на неё с барашком и поехал опять: барашка перед собой держит. Смотрит он на

---

[1] *Буера́ки* — овраги.

[2] *Казю́ли* — змеи (по-орловскому). (Примечание И. С. Тургенева.)

[3] *Отпру́кать* от *тпру* — возглас, которым останавливают лошадь.

него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? Что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, так, что-то собаки зачуяли. — Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго

не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому как сыну богатого крестьянина приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Ещё бы! Ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы[1], говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя. — Мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу[2] видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть[3] на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут

---

[1] *Разры́в-трава́* — по народным поверьям, в народных сказках волшебная трава, с помощью которой открываются любые замки.

[2] *Роди́тельская суббо́та* — одна из суббот в октябре, день особого поминовения умерших родственников.

[3] *Па́перть* — крыльцо перед входом в церковь.

мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-на́перво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала… только всё как будто собачка этак залает, залает где-то… Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт…

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает… А узнала его Ульяна… Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться, — ах ты, господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

— Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли эта душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное[1]?

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиде́нье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопрестановление[2]». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку[3] увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Ильюша. — Ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто[4] будет такой человек удивительный, который придёт; а придёт он, когда наступят последние времена[5]. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они

---

[1] *Предви́денье-то небе́сное* — так мужики называют солнечное затмение. (Примечание И. С. Тургенева.)

[2] *Светопрестановле́ние* — здесь: конец света.

[3] В *поверье о «Тришке»*, вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Примечание И. С. Тургенева.)

[4] *Э́вто* — искажённое *это*.

[5] *После́дние времена́* — конец света.

с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! Ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар[1], Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчики засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли всё, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...

---

[1] *Бочáр* — мастер по изготовлению деревянной посуды, бочек, кадок.

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее…

Костя вздрогнул. «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя… — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь…

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью[1] выходит, — там ведь есть бучило[2]; знаешь, оно ещё всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у… у-у… у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезный[3]. Так вот, кажется, сам бы и заплакал… Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза… — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну, нет, это не лягушки… какие это… (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эк её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

---

[1] *Суги́бель* — крутой поворот в овраге. (Примечание И. С. Тургенева.)

[2] *Бучи́ло* — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Примечание И. С. Тургенева.)

[3] *Боле́зный* — вызывающий сострадание, жалость.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Ильюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой-большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, опёрся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — что она к нам, отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь?

— И тебе дам.

Ваня вздохнул.

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котёльчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши, точно раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но а, говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащат. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным как уголь лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её полюбовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот самой реке. Уж какой же мальчик был! И-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то!

И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды погибель произойдёт. Бывало, пойдёт-от Вася с нами, с ребятками, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! Ох, вернись, соколик!» И как утонул, господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затянет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затянет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котёльчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, Господи! Ах ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! — произнёс Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда ж они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде… Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, передрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость… Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями… Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понурив головы… Сладкое забытьё напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса́, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

1. Как с помощью описания природы автор показывает смятение охотника, сбившегося с пути?
2. Какие художественные средства использует автор для описания обстановки у ночного костра? Рассмотрите иллюстрацию на с. 47. Как художник передал настроение мальчиков и рассказчика?
3. Прочитайте описания природы, которые передают тревогу, страх и напряжение рассказывающих свои истории ребят.
4. Какой из рассказов мальчиков показался вам самым интересным? Почему?
5. Что общего у трёх мальчиков-рассказчиков и чем они отличаются друг от друга? Охарактеризуйте манеру рассказывания каждого.
6. Сравните портреты Ильюши, Кости и Павлуши. Сопоставьте их рассказы. Назовите схожие и отличительные черты в их характерах, мечтах, поведении.
7. Какие художественные средства использует автор при создании портрета Павлуши?
8. Почему рассказ заканчивается сообщением о смерти Павлуши?
9. Каким вы представляете образ повествователя-рассказчика?
10. В чём заключается главная мысль рассказа?

11. Почему И. С. Тургенев считается одним из лучших пейзажистов в литературе? Расскажите об истоках его мастерства.
12. Каково отношение писателя к крестьянским детям? Почему современники увидели в рассказе антикрепостнический смысл?
13. Ознакомьтесь с планом анализа пейзажа. Подготовьте сообщение в устной или письменной форме «Пейзаж в рассказе “Бежин луг”» с учётом предложенных материалов. Подберите к сообщению иллюстрации, а также «пейзажные» музыкальные фрагменты.

Монолог

Среди способов создания образа в художественном произведении особое место занимает монолог.

Монолог — развёрнутое высказывание, речь одного человека, обращённая к самому себе (или читателю, зрителю), которая представляет собой размышление о каком-то событии и его оценку.

В монологе герой, как правило, раскрывает наиболее важные для себя проблемы. Чаще всего монолог не требует ответной реакции (реплики) собеседника, но предполагает его наличие. Монологи составляют важную часть композиции произведения. Они объясняют развитие сюжета и поступки героя.

1. Объясните, что такое монолог и какую роль в композиции произведения он играет.
2. Найдите развёрнутые высказывания в рассказе «Бежин луг». Можно ли их назвать монологами? Почему не все мальчики говорят так много, как Ильюша или Павлуша?
3. Кому в рассказе «Бежин луг» принадлежит большая часть монологов? Как монологи помогают характеризовать героя?
4. Можно ли считать монологом устный ответ учащегося у доски? Поясните свою точку зрения.
5. Подумайте, на какую тему вы хотели бы подготовить монологическое высказывание. Какую интонацию выбрали бы для своего монолога?

Антон Павлович ЧЕХОВ

(1860—1904)

У А. П. Чехова два дня рождения. Один, как у любого человека, тот, в который принято принимать гостей и заказывать торт. И второй — 9 марта 1880 года, когда в журнале «Стрекоза» было напечатано «Письмо к учёному соседу». Это небольшой весёлый рассказ о невежестве, глупости и ограниченности помещика, считающего себя образованным.

Члены семьи и современники А. П. Чехова вспоминали особый талант писателя: он умел увидеть смешное и заразить своей весёлостью окружающих. Например, «мог сунуть московскому городовому в руки тяжёлый арбуз, обёрнутый бумагой, и сказать: “Бомба! ... неси в участок, да смотри осторожнее...” Или убедить молодую писательницу, что его голуби с перьями кофейного цвета происходят от помеси голубя с кошкой такой же окраски, живущей во дворе...» Он говорил, что если человек не понимает шутки — пиши пропало. Чехов сочинял весёлые сценки, придумывал забавные прозвища, смешные имена, вовлекал всех в весёлые забавы.

Чехов учился на медицинском факультете Московского университета, а рассказы писал, чтобы финансово помочь семье. Именно поэтому подписывал свои первые произведения разными псевдонимами: Антоша Чехонте (это прозвище дали писателю ещё в гимназии), Человек без селезёнки, Брат моего брата, Врач без пациентов, Вспыльчивый человек, Гайка № 6, Кисляев, Юный старец... Исследователи насчитывают их несколько десятков.

В конце XIX века для наведения порядка города делились на небольшие участки — околотки, за которыми присматривал околоточный надзиратель. Эта должность соответствовала 14 (низшему) классу чиновников. Но занимающий её должен был быть хорошо образованным, физически развитым человеком, иметь приятную внешность и опыт службы в армии или на гражданской должности. Околоточный надзиратель обязан был знать всё о своём участке, в любое время быть готовым к наведению порядка. Околоточному надзирателю подчинялись городовые — низший полицейский чин, сформированный из бывших военнослужащих.

ХАМЕЛЕОН[1]

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным[2] крыжовником. Кругом тишина… На площади ни души… Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А… а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и

---

[1] *Хамелео́н* — ящерица, которая может менять окраску тела в зависимости от окружающей среды.

[2] *Конфиско́ванный* от *конфискова́ть* — здесь: отобрать, отнять.

крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городовой.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

Ил. А. Л. Дудина

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал!

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить

внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она, наверное, бешеная… Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто… Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождём… Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь… известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тяпни… Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой[1]! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом… А ежели я вру, так пущай мировой[2] рассудит. У него в законе сказано… Нынче все равны… У меня у самого брат в жандармах… ежели хотите знать…

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская… — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые[3]…

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие…

---

[1] *Крив<u>о</u>й* (разг.) — слепой на один глаз.

[2] *Мирово<u>́</u>й* — судья, устанавливающий мир между спорящими сторонами.

[3] *Легá<u>́</u>вые* — охотничьи собаки.

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

С. В. Герасимов.
На базарной площади

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городовой. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видели.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжал Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости…

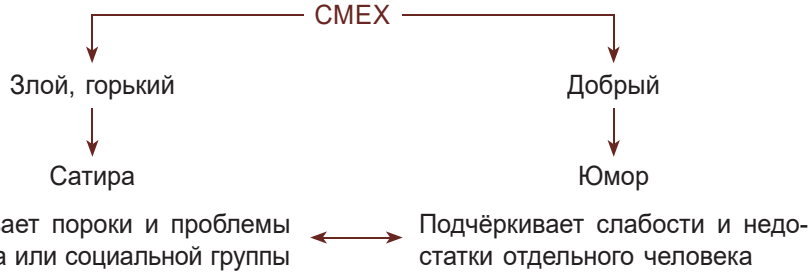
— Ишь ты, господи… Соскучились по братце… А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад… Возьми её… Собачонка ничего себе… Шустрая такая… Цап этого за палец! Ха-ха-ха… Ну, чего дрожишь? Ррр… Рр… Сердится, шельма, цуцык этакий…

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада… Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1. Выпишите выражения, в которых Очумелов характеризует собаку. Как и почему изменяется его восприятие собаки?
2. Проследите, как меняются голос и поведение Очумелова в зависимости от того, к кому он обращается.
3. Подсчитайте, сколько раз в речи Хрюкина встречаются слова с корнем «закон». Сколько раз — в речи Очумелова? О чём это говорит?
4. Какой изображена толпа зевак, собравшихся на базарной площади?
5. Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа или инсценируйте его. Продумайте, как можно осовременить образы героев.
6. Слова «хамелеон» нет в рассказе, почему возник такой заголовок? Оправдан ли он? Кого из героев произведения можно назвать хамелеоном?
7. Что в рассказе «Хамелеон» является комичным, вызывает смех? Пользуясь схемой, объясните, к юмору или к сатире прибегает Чехов в этом произведении.

Виды комического: сатира и юмор



8. Создайте пост (короткое сообщение) о событии, описанном в рассказе «Хамелеон», который вы разместили бы на своей странице в социальных сетях. Какую из предложенных иллюстраций (с. 69, 71) вы бы взяли к своему тексту?

Сюжет рассказа

Сюжет — это последовательность событий, описанных в произведении.

Сюжет есть в любом произведении. В рассказе повествуется о внешних для автора (рассказчика) событиях. Читатель наблюдает за действиями героев как бы со стороны, отмечает, как изменяется их поведение, внешность и внутренний мир.

Сюжет развивается по ходу рассказа, поэтому в нём выделяют несколько элементов (табл. 3).

Таблица 3

Сюжет рассказа и его элементы

Экспозиция (вступление)	В нескольких предложениях (абзацах) даётся информация о месте и времени действия. Читатель знакомится с героем рассказа (внешность, привычки, образ жизни и т. д.). Экспозиция формирует у читателя настроение, готовит к дальнейшим событиям
Завязка (начало событий)	Это может быть случай из жизни, фраза или поступок героя, который будет иметь последствия
Развитие действия (события, которые происходят в произведении)	Самая значительная по объёму часть рассказа. Читатель наблюдает за изменениями в жизни героя, пытается предсказать, что будет дальше и как всё закончится
Кульминация (самый напряжённый момент в повествовании)	Это поворотное событие, после которого жизнь героя не может быть прежней
Развязка (окончание событий)	Это может быть отъезд героя, прекращение отношений между героями, письмо и т. д.

Сюжет рассказа обычно легко вспомнить и пересказать. Именно сюжет должен привлекать читателя, вызывать и поддерживать интерес к произведению.

1. Перескажите рассказ «Хамелеон» максимально кратко. Что представляет собой этот пересказ?
2. Перечитайте первый абзац «Хамелеона». О чём он? Какую роль этот фрагмент играет в развитии сюжета рассказа?
3. Найдите завязку и кульминацию в рассказе «Хамелеон». Объясните, почему выбранные вами эпизоды соответствуют этим элементам сюжета.
4. Перечитайте и оцените развязку в рассказе «Хамелеон». Как Чехову удалось разрешить ситуацию и завершить рассказ?

5. Какой вопрос нужно задать собеседнику, чтобы узнать сюжет произведения? Будет ли этот вопрос отличаться, если вы хотите узнать о книге, фильме или музыкальном произведении?
6. Почему при графическом изображении сюжета кульминация всегда показывается выше других элементов? Придумайте схему, изображающую сюжет рассказа.

Композиция рассказа

Писательское мастерство проявляется не только в умении выбирать сюжет и героев произведения. Автор должен умело расположить отдельные части рассказа, заставить их работать на общую идею, передавать единый смысл. В этом помогает композиция произведения.

Композиция — это построение произведения, последовательность его частей или других элементов.

Элементами композиции (иначе — внесюжетными элементами) считаются описания природы и внешности героев, диалоги и монологи, авторские отступления. Для небольших рассказов важно уметь правильно их наполнить. Писатель должен не перегрузить текст подробностями, но при этом сфор-

мировать представление о времени и месте действия, суметь представить героя, его характер и привычки.

Следует различать сюжет и композицию. Сюжет — это последовательность событий. Его легко пересказать. Композиция рассказа намного сложнее. Чтобы увидеть своеобразие построения произведения, следует определить:

1) от *чьего лица* ведётся повествование;
2) на какие *части* (главы — в эпическом, строфы — в лирическом, акты или действия — в драматическом) разделено произведение, есть ли к ним *эпиграфы*;
3) как *развиваются события* во временном плане: в хронологической последовательности или с нарушением естественного хода времени (например, читатель может сначала узнать о том, чем завершилась история, а потом — о её начале);
4) какую роль играют в произведении *пейзаж* и *портрет*;
5) как используется для характеристики героев *диалог* или *монолог*.

Сочетание перечисленных элементов уникально и делает художественное произведение неповторимым. Например, в рассказах А. П. Чехова описания природы и внешности героя, как правило, небольшие, составляют 1—2 предложения, а диалоги героев занимают большое место.

1. Объясните разницу между сюжетом и композицией.

2. Подумайте, могут ли произведения иметь одинаковый сюжет или одинаковую композицию. Поясните своё мнение.
3. На основании рассказов «Хамелеон» А. П. Чехова (вариант 1) и «Бежин луг» И. С. Тургенева (вариант 2) заполните таблицу «Элементы сюжета и композиции рассказа».

Сюжет		Композиция	
название элемента	пример	название элемента	пример

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флёр-д'оранжем[1]. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь[2]! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня — Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

---

[1] *Флёр-д'ора́нж* (франц.) — туалетная вода из цветков апельсинового дерева.

[2] *Щёголь* — тот, кто нарядно, изысканно одевается.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским асессором уже второй год и Станислава имею[1]. Жалованье плохое... Ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся[2] кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

Ил. С. А. Алимова

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт[3] и застегнул все пуговки своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

---

[1] *Станисла́ва имею* — чиновники малого ранга очень гордились орденом Станислава как началом своего служебного признания.

[2] *Пробавля́ться* — довольствоваться, ограничиваться чем-нибудь малым.

[3] *Вы́тянуться во фрунт* — встать по стойке смирно.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1. Какая житейская ситуация описана в рассказе? Почему по мере чтения история всё больше напоминает анекдот?
2. Почему в заглавии А. П. Чехов использовал слова «толстый» и «тонкий»? Можно ли слово «тонкий» заменить другим прилагательным?
3. Сравните «толстого» и «тонкого»: что общего у героев и в чём состоят различия?
4. Найдите слова Михаила, после которых резко меняется поведение Порфирия. Какое социальное зло вновь обличает А. П. Чехов в этом рассказе?

Художественная деталь

Чехов в начале своего творчества сотрудничал с юмористическими журналами. Для опубликования произведение должно было состоять всего лишь из 100 строк. Чехову, как никому другому, удавалось уложиться в эти жёсткие рамки. Так сформировалась важнейшая черта чеховских произведений — краткость (лаконичность) по-

вествования. А вместе с ней родились его изречения: «Краткость — сестра таланта» и «Искусство писать есть искусство сокращать».

Чтобы сделать небольшой текст более выразительным, Чехов использовал «говорящие» фамилии (Очумелов, Елдырин, Хрюкин и др.) и символические заголовки («Хамелеон», «Хирургия», «Лошадиная фамилия» и т. д.). Писатель избегал подробных описаний, выделяя в герое или интерьере только отдельные, наиболее важные элементы — детали.

Художественная деталь — средство создания образа; важная мелочь, выразительная подробность, которая позволяет выделить самое существенное в герое или событии, передаёт авторское отношение к происходящему в произведении.

Художественные детали бывают разными. Это может быть выражение лица, элемент одежды, предмет интерьера, даже фамилия и имя героя, его возраст.

1. На материале одного из рассказов А. П. Чехова заполните таблицу «Художественные детали в рассказе А. П. Чехова».

Вид детали	Пример из текста	Цель использования детали

2. Рассмотрите скульптурные изображения к рассказам А. П. Чехова на форзаце 2. На какие детали облика героев обращают внимание скульпторы? Найдите эти детали в рассказах и сравните.

3. Вспомните дорогого вам человека. Какие детали его внешности, поведения, речи ярче всего передадут его характер и ваше отношение к нему? Напишите небольшое сочинение-описание «Самый дорогой мне человек».

4. Объясните, почему о своих рассказах А. П. Чехов писал так: «Они смешные, но невесёлые».

Александр Иванович КУПРИН

(1870—1938)

А. И. Куприн вошёл в историю русской литературы как мастер рассказа, автор повестей и романов. Его произведения имеют увлекательный и правдивый сюжет, потому что Куприн писал только о том, что сам видел, пережил и прочувствовал.

Куприн получил военное образование, однако перепробовал множество профессий. Он был грузчиком, типографщиком, моряком, репортёром, землемером, охотником... Куприн хотел испытать всё и во всём достигнуть успехов.

ТАПЁР[1]

(В сокращении)

Двенадцатилетняя Тиночка Руднева влетела, как разрывная бомба, в комнату, где её старшие сёстры одевались с помощью двух горничных к сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудряшками на лбу, вся розовая от быстрого бега, она была в эту минуту похожа на хорошенького мальчишку.

— Mesdames[2], а где же тапёр? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает. Тот говорит — мне не приказывали, тот говорит — это не моё дело... У нас постоянно, постоянно так, — горячилась Тиночка, топая каблуком о пол. — Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...

---

[1] *Тапёр* — музыкант, играющий в небольших ресторанах, на танцевальных вечерах.

[2] *Дамы* (франц.).

Самая старшая из сестёр, Лидия Аркадьевна, стояла перед трюмо. Повернувшись боком к зеркалу и изогнув назад свою прекрасную обнажённую шею, она, слегка прищуривая близорукие глаза, закалывала в волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась к «мелюзге» с холодным и вежливым презрением. Взглянув на отражение Тины в зеркале, она заметила с неудовольствием:

— Больше всего в доме беспорядка делаешь, конечно, ты — сколько раз я тебя просила, чтобы ты не вбегала, как сумасшедшая, в комнаты.

Тина насмешливо присела и показала зеркалу язык. Потом она обернулась к другой сестре, Татьяне Аркадьевне, около которой возилась на полу модистка, подмётывая на живую нитку низ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что от нашей Несмеяны-царевны ничего, кроме наставлений, не услышишь. Танечка, голубушка, как бы ты там всё это устроила? Меня никто не слушается, только смеются, когда я говорю... Танечка, пойдём, пожалуйста, а то ведь скоро шесть часов, через час и ёлку будем зажигать...

Тина только в этом году была допущена к устройству ёлки. Не далее как на прошлое Рождество её в это время запирали с младшей сестрой Катей и с её сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой ёлки, а что «просто только пришли полотёры[1]». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особые привилегии, равнявшие её некоторым образом со старшими сёстрами, она волновалась больше всех, хлопотала и бегала за десятерых, попадаясь ежеминутно кому-нибудь под ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздниках в рудневском доме.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей, обитающих испокон века в окрестностях Пресни, Новинского и Конюшков и создавших когда-то Москве её репутацию хлебосольного

[1] *Полотёр* — тот, кто натирал воском полы перед приходом гостей.

города. Дом Рудневых — большой ветхий дом доекатерининской постройки[1], со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом. Приезжали без всякого предупреждения, «сюрпризом», какие-то соседи по наровчатскому или инсарскому имению, какие-то дальние родственники, которых до сих пор никто в глаза не видал и не слыхал об их существовании, — и гостили по месяцам. К Аркаше и Мите десятками ходили товарищи, менявшие с годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами[2], потом юнкерами[3] и студентами и, наконец, безусыми офицерами или щеголеватыми, преувеличенно серьёзными помощниками присяжных поверенных[4]. Девочек постоянно навещали подруги всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы[5]. На праздниках, когда вся эта весёлая, задорная молодёжь собиралась в громадном рудневском доме, вместе с нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей наивной, поэтической и шаловливой влюблённости.

Эти дни бывали днями полной анархии[6], приводившей в отчаяние прислугу. Все условные понятия о времени, разграниченном, «как у людей», чаем, завтраком, обедом и ужином,

---

[1] *Дом доекатери́нинской постро́йки* — то есть до царствования Екатерины II (1762—1796).

[2] *Када́т* — воспитанник привилегированного среднего учебного заведения закрытого типа для подготовки детей офицеров, военных и гражданских чиновников к офицерской службе.

[3] *Ю́нкер* — воспитанник военного училища.

[4] *Прися́жный пове́ренный* — в царской России: адвокат.

[5] *Вы́сшие же́нские ку́рсы* — высшее учебное заведение для женщин, появившееся в России в конце XIX века. Раньше женщин в университет не принимали.

[6] *Ана́рхия* — безвластие, отсутствие всякого управления.

смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время, когда одни кончали обедать, другие только что начинали пить утренний чай, а третьи целый день пропадали на катке в Зоологическом саду, куда забирали с собой гору бутербродов. Со стола никогда не убирали, и буфет стоял открытым с утра до вечера.

Несмотря на это, случалось, что молодёжь, проголодавшись совсем в неуказанное время, после коньков или поездки на балаганы[1], отправляла на кухню депутацию[2] к Акинфычу с просьбой приготовить «что-нибудь вкусненькое». Старый пьяница, но глубокий знаток своего дела, Акинфыч сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчал на депутацию. Тогда в ход пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись в Москве хорошие повара, что только у стариков и сохранилось ещё неприкосновенным уважение к святости кулинарного искусства и так далее. Кончалось тем, что задетый за живое Акинфыч сдавался и, пробуя на большом пальце остриё ножа, говорил с напускной суровостью:

— Ладно уж, ладно... Будет петь-то... Сколько вас там, галчата?

Ирина Алексеевна Руднева — хозяйка дома — почти никогда не выходила из своих комнат, кроме особенно торжественных, официальных случаев. Урождённая княжна Ознобишина, последний отпрыск знатного и богатого рода, она раз навсегда решила, что общество её мужа и детей слишком «мескинно»[3] и «брютально»[4], и потому равнодушно «иньорировала»[5] его, развлекаясь визитами к архиереям и поддержанием знакомства

---

[1] *Балага́н* — старинное народное театральное зрелище комического характера.

[2] *Депута́ция* — группа лиц, назначенная для выполнения какого-нибудь задания.

[3] *«Мески́нно»* (от франц. *mesquin*) — примитивно, грубо в нравственном отношении.

[4] *«Брюта́льно»* (от франц. *brutal*) — грубо.

[5] *«Иньори́ровала»* (от франц. *ignorer*) — умышленно не замечала.

с такими же, как она сама, окаменелыми потомками родов, уходящих в седую древность.

Впрочем, мужа своего Ирина Алексеевна не уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вероятно, имела для этого основания, так как Аркадий Николаевич, известный всей Москве гурман[1], игрок и щедрый покровитель[2] балетного искусства, до сих пор ещё, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет, не утратил заслуженной репутации дамского угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцем, когда он, опоздав на десять минут к началу действия и обращая на себя общее внимание, входил в зрительную залу Большого театра — элегантный и самоуверенный, с гордо поставленной на осанистом[3] туловище, породистой, слегка седеющей головой.

Аркадий Николаевич редко показывался домой, потому что обедал он постоянно в Английском клубе[4] и по вечерам ездил туда же играть в карты, если в театре не шёл интересный балет.

В качестве главы дома он занимался исключительно тем, что закладывал и перезакладывал то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая в будущее с беспечностью избалованного судьбой грансеньора[5]. Привыкнув с утра до вечера вращаться в большом обществе, он любил, чтобы и в доме у него было шумно и оживлённо. Изредка ему нравилось сюрпризом устроить для своей молодёжи неожиданное развлечение и самому принять в нём участие. Это случалось большею частью на другой день после крупного выигрыша в клубе.

---

[1] *Гурма́н* — любитель и ценитель изысканной пищи.

[2] *Покрови́тель* — тот, кто оказывает помощь и поддержку, защищает.

[3] *Оса́нистый* — обладающий внушительной осанкой, крупный, величественный.

[4] *Англи́йский клуб* — московский аристократический клуб, где формировалось общественное мнение, где за едой и картами обсуждались текущие события.

[5] *Грансеньо́р* — вельможа.

— Молодые республиканцы! — говорил он, входя в гостиную и сияя своим свежим видом и очаровательной улыбкой. — Вы, кажется, скоро все заснёте от ваших серьёзных разговоров. Кто хочет ехать со мной за город? Дорога прекрасная: солнце, снег и морозец. Страдающих зубной болью и мировой скорбью прошу оставаться дома под надзором нашей почтеннейшей Олимпиады Савичны…

Посылали за тройками к Ечкину, скакали сломя голову за Тверскую заставу, обедали в «Мавритании» или в «Стрельне»[1] и возвращались домой поздно вечером, к большому неудовольствию Ирины Алексеевны, смотревшей брезгливо на эти «эскапады дурного тона»[2]. Но молодёжь нигде так безумно не веселилась, как именно в этих эскападах, под предводительством Аркадия Николаевича.

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в ёлке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности. <…>

Аркадий Николаевич любил, чтобы у него ёлка выходила на славу, и всегда приглашал к ней оркестр Рябова. Но в этом году[3] с музыкой произошёл целый ряд роковых недоразумений. К Рябову почему-то послали очень поздно; оркестр его, разделяемый на праздниках на три части, оказался уже разобранным. Маэстро в силу давнего знакомства с домом Рудневых обещал, однако, как-нибудь устроить это дело, надеясь, что в другом доме переменят день ёлки, но по неизвестной причине замедлил с ответом, и когда бросились искать в другие

---

[1] *«Маврита́ния»*, *«Стре́льня»* — московские загородные рестораны.

[2] *«Эскапа́ды дурно́го то́на»* (от франц. *escapade*) — проказы.

[3] *В э́том году́* — рассказ наш относится к 1885 году. Кстати заметим, что основная фабула его покоится на действительном факте, сообщённом автору в Москве М. А. З-вой, близко знавшей семью, названную в рассказе вымышленной фамилией Рудневых. (Примечание А. И. Куприна.)

места, то во всей Москве не оказалось ни одного оркестра. Аркадий Николаевич рассердился и велел отыскать хорошего тапёра, но кому отдал это приказание, он и сам теперь не помнил. Этот «кто-то», наверно, свалил данное ему поручение на другого, другой — на третьего, переврав, по обыкновению, его смысл, а третий в общей сумятице и совсем забыл о нём…

Между тем пылкая Тина успела уже взбудоражить весь дом. Почтенная экономка[1], толстая, добродушная Олимпиада Савична, говорила, что и взаправду барин ей наказывал распорядиться о тапёре, если не приедет музыка, и что она об этом тогда же сказала камердинеру Луке. Лука, в свою очередь, оправдывался тем, что его дело — ходить около Аркадия Николаевича, а не бегать по городу за фортепьянщиками. На шум прибежала из барышниных комнат горничная Дуняша, подвижная и ловкая, как обезьяна, кокетка и болтунья, считавшая долгом ввязываться непременно в каждое неприятное происшествие. Хотя её и никто не спрашивал, но она совалась к каждому с жаркими уверениями, что пускай её бог разразит на этом месте, если она хоть краешком уха что-нибудь слышала о тапёре. Неизвестно, чем окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, весёлая блондинка, которую вся прислуга обожала за её ровный характер и удивительное умение улаживать внутренние междоусобицы.

— Одним словом, мы так не кончим до завтрашнего дня, — сказала она своим спокойным, слегка насмешливым, как у Аркадия Николаевича, голосом. — Как бы то ни было, Дуняша сейчас же отправится разыскивать тапёра. Покамест ты будешь одеваться, Дуняша, я тебе выпишу из газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать ёлки, потому что сию минуту начнут съезжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпиады Савичны…

---

[1] *Эконо́мка* — женщина, занимающаяся ведением домашнего хозяйства у кого-либо.

Едва она успела это произнести, как у дверей передней громко затрещал звонок. Тина уже бежала туда стремглав, навстречу целой толпе детишек, улыбающихся, румяных с мороза, запушённых снегом и внёсших за собою запах зимнего воздуха, крепкий и здоровый, как запах свежих яблоков. Оказалось, что две большие семьи — Лыковых и Масловских — столкнулись случайно, одновременно подъехав к воротам. Передняя сразу наполнилась говором, смехом, топотом ног и звонкими поцелуями.

Звонки раздавались один за другим почти непрерывно. Приезжали всё новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успевали справляться с ними. Взрослых приглашали в гостиную, а маленьких завлекали в детскую и в столовую, чтобы запереть их там предательским образом. В зале ещё не зажигали огня. Огромная ёлка стояла посредине, слабо рисуясь в полутьме своими фантастическими очертаниями и наполняя комнату смолистым ароматом. Там и здесь на ней тускло поблёскивала, отражая свет уличного фонаря, позолота цепей, орехов и картонажей[1].

Дуняша всё ещё не возвращалась, и подвижная, как ртуть, Тина сгорала от нетерпеливого беспокойства. Десять раз подбегала она к Тане, отводила её в сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, как же теперь нам быть?.. Ведь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла к старшей сестре и сказала вполголоса:

— Я уж и не придумаю, что делать. Придётся попросить тётю Соню поиграть немного... А потом я её сама как-нибудь заменю.

— Благодарю покорно, — насмешливо возразила Лидия. — Тётя Соня будет потом нас целый год своим одолжением донимать. А ты так хорошо играешь, что уж лучше совсем без музыки танцевать.

---

[1] *Картона́жи* — картонные украшения в виде фигурок зверей или предметов.

В эту минуту к Татьяне Аркадьевне подошёл, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша просит вас на секунду выйти к ним.

— Ну что, привезла? — спросили в один голос все три сестры.

— Пожалуйте-с. Извольте-с посмотреть сами, — уклончиво ответил Лука. — Они в передней… Только что-то сомнительно-с… Пожалуйте.

В передней стояла Дуняша, ещё не снявшая шубки, закиданной комьями грязного снега. Сзади её копошилась в тёмном углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая жёлтый башлык[1], окутывавший её голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня бог — в пяти местах была и ни одного тапёра не застала. Вот нашла этого мальца, да уж и сама не знаю, годится ли. Убей меня бог, только один и остался. Божится, что играл на вечерах и на свадьбах, а я почему могу знать…

Между тем маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худощавым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища[2]. Понимая, что речь идёт о нём, он в неловкой выжидательной позе держался в своём углу, не решаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросив на него украдкой несколько взглядов, сразу определила про себя, что этот мальчик застенчив, беден и самолюбив. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и с очень тонкими чертами; несколько наивный вид ему придавали вихры тёмных волос, завивающихся

---

[1] *Башлы́к* — капюшон с длинными концами, который надевали в непогоду поверх головного убора.

[2] *Реа́льное учи́лище* — учебное заведение, которое позволяло получить среднее образование, с преобладанием в учебном плане естественнонаучных предметов в России до 1917 года. И реалисты, и гимназисты носили форменную одежду.

«гнёздышками» по обеим сторонам высокого лба, но большие серые глаза — слишком большие для такого худенького детского лица — смотрели умно, твёрдо и не по-детски серьёзно. По первому впечатлению мальчику можно было дать лет одиннадцать-двенадцать.

Татьяна сделала к нему несколько шагов и, сама стесняясь не меньше его, спросила нерешительно:

— Вы говорите, что вам уже приходилось… играть на вечерах?

— Да… я играл, — ответил он голосом, несколько сиплым от мороза и от робости. — Вам, может быть, оттого кажется, что я такой маленький…

— Ах нет, вовсе не это… Вам ведь лет тринадцать, должно быть?

— Четырнадцать-с.

— Это, конечно, всё равно. Но я боюсь, что без привычки вам будет тяжело.

Мальчик откашлялся.

— О нет, не беспокойтесь… Я уже привык к этому. Мне случалось играть по целым вечерам, почти не переставая…

Таня вопросительно посмотрела на старшую сестру. Лидия Аркадьевна, отличавшаяся странным бессердечием по отношению ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умеете, молодой человек, играть кадриль?

Мальчик качнулся туловищем вперёд, что должно было означать поклон.

— Умею-с.

— И вальс умеете?

— Да-с.

— Может быть, и польку тоже?

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержанным тоном:

— Да, и польку тоже.

— А лансье[1]? — продолжала дразнить его Лидия.

— Laissez donc, Lidie, vous êtes impossible[2], — строго заметила Татьяна Аркадьевна.

Большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой. Даже напряжённая неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вам угодно, mademoiselle[3], — резко повернулся он к Лидии, — то, кроме полек и кадрилей, я играю ещё все сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа.

— Воображаю! — деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задетая этим самоуверенным ответом.

Мальчик перевёл глаза на Таню, в которой он инстинктивно угадал заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выражение.

— Пожалуйста, прошу вас... Позвольте мне что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, как больно затронула Лидия самолюбие мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на месте и захлопала в ладоши от радости, что эта противная гордячка Лидия сейчас получит щелчок.

— Конечно, Танечка, конечно, пускай сыграет, — упрашивала она сестру и вдруг со своей обычной стремительностью, схватив за руку маленького пианиста, она потащила его в залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется с носом... Ничего, ничего.

Неожиданное появление Тины, влёкшей на буксире застенчиво улыбавшегося реалистика, произвело общее недоумение. Взрослые один за другим переходили в залу, где Тина, усадив мальчика на выдвижной табурет, уже успела зажечь свечи на великолепном шрёдеровском фортепиано[4].

---

[1] *Лансье́* — английский бальный танец.

[2] *Перестаньте же, Лидия, вы невозможны* (франц.).

[3] *Мадемуазель* (франц.).

[4] *Шрёдеровское фортепиа́но* — инструмент производства знаменитой фирмы «Шрёдер».

Реалист взял наугад одну из толстых, переплетённых в шагрень[1] нотных тетрадей и раскрыл её. Затем, обернувшись к дверям, в которых стояла Лидия, резко выделяясь своим белым атласным платьем на чёрном фоне неосвещённой гостиной, он спросил:

— Угодно вам Rapsodie Hongroise[2] № 2 Листа?

Лидия пренебрежительно выдвинула вперёд нижнюю губу и ничего не ответила. Мальчик бережно положил руки на клавиши, закрыл на мгновение глаза, и из-под его пальцев полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодии. Странно было видеть и слышать, как этот маленький человечек, голова которого едва виднелась из-за пюпитра[3], извлекал из инструмента такие мощные, смелые, полные звуки. И лицо его как будто бы сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным; бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза ещё больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадий Николаевич, любивший музыку и знавший в ней толк, вышел из своего кабинета. Подойдя к Тане, он спросил её на ухо:

— Где вы достали этого карапуза?

— Это тапёр, папа, — ответила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играет?

— Тапёр? Такой маленький? Неужели? — удивлялся Руднев. — Скажите пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сцене, происшедшей в передней, Аркадий Николаевич покачал головой.

— Да, вот оно что... Ну, что ж делать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграет, а потом мы что-нибудь придумаем.

---

[1] *Шагре́нь* — мягкая козья или овечья кожа, которая использовалась как переплётный материал.

[2] *«Венгерская рапсодия»* (франц.).

[3] *Пюпи́тр* — подставка для нот.

Когда реалист окончил рапсодию, Аркадий Николаевич первый захлопал в ладоши. Другие также принялись аплодировать. Мальчик встал с высокого табурета, раскрасневшийся и взволнованный; он искал глазами Лидию, но её уже не было в зале.

— Прекрасно играете, голубчик. Большое удовольствие нам доставили, — ласково улыбался Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... как вас величать-то, я не знаю.

— Азагаров, Юрий Азагаров.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредит ли вам играть целый вечер? Так вы, знаете ли, без всякого стеснения скажите, если устанете. У нас найдётся здесь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка нам какой-нибудь марш побравурнее[1].

Под громкие звуки марша из «Фауста» были поспешно зажжены свечи на ёлке. Затем Аркадий Николаевич собственноручно распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломлённая внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумлённых, забавных позах. Сначала робко, один за другим, входили они в залу и с почтительным любопытством ходили кругом ёлки, задирая вверх свои милые мордочки. Но через несколько минут, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым звонким детским хохотом. Дети точно опьянели от блеска ёлочных огней, от смолистого аромата, от громкой музыки и от великолепных подарков. Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг ёлки, потому что то один, то другой вырывался из круга и бежал к своим игрушкам, оставленным кому-нибудь на временное хранение.

Тина, которая после внимания, оказанного её отцом Азагарову, окончательно решила взять мальчика под своё покровительство, подбежала к нему с самой дружеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте нам польку.

---

[1] *Брави́рный* (в музыке, пении) — бодрый, весёлый, шумный.

Азагаров заиграл, и перед его глазами закружились белые, голубые и розовые платьица, короткие юбочки, из-под которых быстро мелькали белые кружевные панталончики, русые и чёрные головки в шапочках из папиросной бумаги. Играя, он машинально прислушивался к равномерному шарканью множества ног под такт его музыки, как вдруг необычайное волнение, пробежавшее по всей зале, заставило его повернуть голову к входным дверям.

Не переставая играть, он увидел, как в залу вошёл пожилой господин, к которому, точно по волшебству, приковались глаза всех присутствующих. Вошедший был немного выше среднего роста и довольно широк в кости, но не полн. Держался он с такой изящной, неуловимо небрежной и в то же время величавой простотой, которая свойственна только людям большого света.

Сразу было видно, что этот человек привык чувствовать себя одинаково свободно и в маленькой гостиной, и перед тысячной толпой, и в залах королевских дворцов. Всего замечательнее было его лицо — одно из тех лиц, которые запечатлеваются в памяти на всю жизнь с первого взгляда: большой четырёхугольный лоб был изборождён суровыми, почти гневными морщинами; глаза, глубоко сидевшие в орбитах, с повисшими над ними складками верхних век, смотрели тяжело, утомлённо и недовольно; узкие бритые губы были энергично и крепко сжаты, указывая на железную волю в характере незнакомца, а нижняя челюсть, сильно выдвинувшаяся вперёд и твёрдо обрисованная, придавала физиономии отпечаток властности и упорства. Общее впечатление довершала длинная грива густых, небрежно заброшенных назад волос, делавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную…

Юрий Азагаров решил в уме, что новоприбывший гость, должно быть, очень важный господин, потому что даже чопорные пожилые дамы встретили его почтительными улыбками, когда он вошёл в залу, сопровождаемый сияющим Аркадием Николаевичем. Сделав несколько общих поклонов, незнакомец

быстро прошёл вместе с Рудневым в кабинет, но Юрий слышал, как он говорил на ходу о чём-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрейший мой Аркадий Николаевич, не просите. Вы знаете, как мне больно вас огорчать отказом…

— Ну хоть что-нибудь, Антон Григорьевич. И для меня, и для детей это будет навсегда историческим событием, — продолжал просить хозяин.

В это время Юрия попросили играть вальс, и он не услышал, что ответил тот, кого называли Антоном Григорьевичем. Он играл поочерёдно вальсы, польки и кадрили, но из его головы не выходило царственное лицо необыкновенного гостя. И тем более он был изумлён, почти испуган, когда почувствовал на себе чей-то взгляд, и, обернувшись вправо, он увидел, что Антон Григорьевич смотрит на него со скучающим и нетерпеливым видом и слушает, что ему говорит на ухо Руднев.

Юрий понял, что разговор идёт о нём, и отвернулся от них в смущении, близком к непонятному страху. Но тотчас же, в тот же самый момент, как ему казалось потом, когда он уже взрослым проверял свои тогдашние ощущения, над его ухом раздался равнодушно повелительный голос Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, ещё раз рапсодию № 2.

Он заиграл, сначала робко, неуверенно, гораздо хуже, чем он играл в первый раз, но понемногу к нему вернулись смелость и вдохновение. Присутствие того, властного и необыкновенного, человека почему-то вдруг наполнило его душу артистическим волнением и придало его пальцам исключительную гибкость и послушность. Он сам чувствовал, что никогда ещё не играл в своей жизни так хорошо, как в этот раз, и, должно быть, не скоро будет ещё так хорошо играть.

Юрий не видел, как постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и как смягчалось мало-помалу строгое выражение его губ, но когда он кончил при общих аплодисментах и обернулся в ту сторону, то уже не увидел этого привлекательного и странного человека. Зато к нему подходил

с многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверх брови, Аркадий Николаевич Руднев.

— Вот что, голубчик Азагаров, — заговорил почти шёпотом Аркадий Николаевич, — возьмите этот конвертик, спрячьте в карман и не потеряйте — в нём деньги. А сами идите сейчас же в переднюю и одевайтесь. Вас довезёт Антон Григорьевич.

— Но ведь я могу ещё хоть целый вечер играть, — возразил было мальчик.

— Тсс!.. — закрыл глаза Руднев. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрий недоумевал, раскрывая всё больше и больше свои огромные глаза. Кто же это мог быть, этот удивительный человек?

— Голубчик, да ведь это Рубинштейн[1]. Понимаете ли, Антон Григорьевич Рубинштейн! И я вас, дорогой мой, от души поздравляю и радуюсь, что у меня на ёлке вам совсем случайно выпал такой подарок. Он заинтересован вашей игрой...

Реалист в поношенном мундире давно уже известен теперь всей России как один из талантливейших композиторов, а необычайный гость с царственным лицом ещё раньше успокоился навсегда от своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и триумфатора. Но никогда и никому Азагаров не передавал тех священных слов, которые ему говорил, едучи с ним в санях, в эту морозную рождественскую ночь его великий учитель.

1. Что вы узнали о жизни московских семей? Какой изображена семья Рудневых? Почему автор так подробно описывает семейный быт?
2. Охарактеризуйте сестёр Рудневых, описав их внешние черты, особенности характера, поступки, речь. Какое будущее может ожидать Лидию, Татьяну, Тину?

---

[1] *Рубинште́йн А. Г. (1829—1894)* — русский композитор, пианист, дирижёр. Основатель первой в России Петербургской консерватории.

3. Прочитайте описание приехавшего мальчика-музыканта. Как он ведёт себя? Что вы можете сказать о нём как о тапёре? Как меняется его облик при игре? Какое действие музыка оказывает на слушателей?
4. Почему старшая сестра Лидия Руднева с недоверием и презрением отнеслась к маленькому тапёру?
5. Почему А. И. Куприн противопоставляет благополучную, радостную жизнь семьи Рудневых бедной и одинокой жизни маленького тапёра Юрия Азагарова?
6. Какие музыкальные произведения играл на праздничном вечере мальчик? Как сила искусства преображает героя и из маленького мальчика он превращается в уверенного в себе музыканта?
7. Каково впечатление великого композитора от талантливой игры юного музыканта? Подтвердите словами из текста.
8. В чём тайна «священных слов», сказанных великим учителем талантливейшему композитору Ю. Азагарову? Почему именно так заканчивается рассказ? В чём главная мысль рассказа?
9. Поясните смысл выражений «музыка речи», «мелодия слова», ознакомившись с материалами «“Музыка” речи». Сделайте вывод об общих свойствах музыки и поэзии (темпе, ритме, выразительности, мелодичности и др.).

Литературный портрет

Внимательному читателю необходимо как можно точнее представить себе героя произведения, узнать, какие поступки он совершил, что переживал при этом и как выглядел. Писатель для характеристики своего героя часто использует портрет.

Литературный портрет — это изображение внешности (черты лица, походка, жесты, мимика, одежда и т. п.) героя произведения.

Портрет — важный элемент в композиции художественного произведения. Обычно с него начинается знакомство с героем. Через портрет читатель узнаёт о социальном положении,

происхождении, национальности героя, его эмоциональном состоянии в момент действия и наиболее ярких чертах характера. Автор, обращая внимание на отдельные черты внешности, раскрывает своё отношение к герою.

1. Перечитайте эпизоды рассказа, в которых дано описание внешности тапёра. Почему в этих фрагментах нельзя отказаться от портрета?
2. Какие черты внешности тапёра выделяет писатель? Выпишите наиболее яркие детали портрета Юрия Азагарова. О чём они свидетельствуют?
3. Перечитайте портрет А. Г. Рубинштейна (с. 93). Какие черты лица раскрывают характер композитора?
4. Как портретная характеристика героев рассказа показывает, к кому из них автор относится с симпатией, а к кому испытывает другие чувства?

Валентин Григорьевич РАСПУТИН

(1937—2015)

Детство будущего писателя совпало с войной. В школу В. Г. Распутин пошёл в 1944 году. Окончив четыре класса в родном посёлке на берегу Ангары, он хотел продолжить учёбу. Но для этого нужно было уезжать из дома за 50 километров, причём одному. Учиться было сложно: голод (мать раз в неделю передавала хлеб и картошку, но их всегда не хватало), бедность, одиночество. Однако учился он только на отлично. «Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок», — вспоминал писатель.

Рассказ посвящён Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери известного драматурга А. В. Вампилова, всю жизнь проработавшей в школе. В основу рассказа легли воспоминания детской жизни. Учительница Лидия Михайловна (по фамилии Молокова) названа в произведении своим собственным именем. «Там мне ничего не пришлось выдумывать, — отмечал В. Г. Распутин о рассказе “Уроки французского”. — Всё это происходило со мной. За прототипом ходить далеко не пришлось. Мне нужно было вернуть людям то добро, которое в своё время они сделали для меня».

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

(В сокращении)

Анастасии Прокопьевне
КОПЫЛОВОЙ

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что сталось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. <…>

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. <…> …матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это… давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она

показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормошили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло[1]! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется много, хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое

---

[1] *Постыло* от *постылый* — надоевший, вызывающий отвращение.

творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. <...>

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, <...> а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. <...> Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. <...> Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. <...> Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками[1], но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка[2] у меня была. Не было денег.

---

[1] *Возúлись с бáбками* — имеется в виду игра в бабки: броском сбивать бабки, установленные на расстоянии.

[2] *Сноро́вка* — ловкость.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. <...> Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. <...>

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят.

Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре. <...> И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. <...> Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы у́же, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший

на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит. <…>

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока <…>, обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. <…> Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо

бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. <...>

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх: ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка, повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь.

Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам,

потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыркая омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И, только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так, что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

* * *

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. <...> Но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский.

Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал! — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и гудело: пропал, теперь пропал. <...>

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

<...> После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она.

Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами? <...>

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко? <...>

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых

из отцовских галифе[1] и заправленных в чирки[2] марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

<…> Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. <…> Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. <…> Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы. <…> И только по нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

---

[1] *Галифе́* — брюки, облегающие голени, сильно расширяющиеся на бёдрах и заправляемые в сапоги.

[2] *Чи́рки* — самодельная обувь.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет, — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял

себе мечтать о рубле; копеек двадцать-тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но, как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. <...>

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. <...> Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. <...>

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. <...>

Забившись в угол, я слушал, не чая дождаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна

стоял большой красивый радиоприёмник, с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе от него никуда было не деться. <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. <...>

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке.

Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня, чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже,

пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не покрошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. <…> И вдруг я поперхнулся. Макароны… Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахару и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков[1] взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела

[1] *Прúиск* — место, где добываются драгоценные металлы.

на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? <...> Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед. Почему я не могу

тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно. <…>

Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых. <…>

<…> Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого

понукания лез в словарик, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие.

<...> Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри, — она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену, — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется «замеряшки». Достанешь, значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя, — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому, — она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался

к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

Ил. И. И. Пчелко

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик по первости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

<…> В этот день мы занимались французским минут пятнадцать-двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы не мешкая переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженых кружках. <…>

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится…

…Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» не считово.

— Почему это не считово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? — объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор.

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Совращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

1. Что мальчик рассказывает о своей семье и учёбе, жизни в деревне и отношениях между людьми?
2. С какими трудностями ему пришлось столкнуться в городе? Как мальчик борется с тоской и голодом? Сдался ли он? Подтвердите словами из текста произведения.
3. Что заставило мальчика играть на деньги? Быстро ли он овладел навыками этой игры? Опишите отношения, сложившиеся в группе подростков. Охарактеризуйте Вадика и Птаху. Как пришлось мальчику расплатиться за успехи в игре на деньги? Прочитайте отрывок о расправе над мальчиком (с. 105—107) и выразите своё отношение к прочитанному.
4. Почему и как пыталась помочь мальчику Лидия Михайловна? Какие отношения складывались у мальчика с учительницей? Перескажите эпизод о посылке. Какие черты характера проявились у героя в этой ситуации?
5. Выразительно прочитайте отрывок рассказа о визитах мальчика к Лидии Михайловне (с. 112—113, 116). Постарайтесь передать чувства, состояние и настроение героя. Объясните их.
6. Какой выход из создавшегося положения и почему нашла Лидия Михайловна? Как вы думаете, предвидела ли она, чем ей это грозит? В чём проявились её бесстрашие и душевная щедрость?
7. Рассмотрите иллюстрацию (с. 119). Мог ли директор школы поступить иначе? Считаете ли вы поведение учительницы нарушением правил? Как вы оцениваете поведение директора?
8. Почему именно так назван рассказ? Только ли об уроках французского идёт речь? Что помнит, понимает и как оценивает те давние события главный герой, став взрослым?
9. Перечитайте начало рассказа. О какой вине говорит автор? Почему произведение посвящено учительнице?
10. Определите особенности композиции рассказа. Можно ли по включённым в произведение замечаниям понять, что рассказчик является взрослым человеком? Подтвердите словами из текста рассказа.
11. Порассуждайте о причинах взрослой и детской жестокости. Можно ли её понять и объяснить? Какой точки зрения придерживается автор? В чём современность рассказа?

12. Найдите и рассмотрите иллюстрации к рассказу «Уроки французского» художников В. Л. Гальдяева, Ю. С. Тризны и др. Какие из них вы считаете наиболее удачными? Подберите к ним заголовки из текста.
13. Посмотрите киноповесть «Уроки французского» 1978 года (режиссёр Е. Ташков). Какие расхождения между авторским текстом и сценарием вы заметили? Как это можно объяснить?

Конфликт в художественном произведении

Одной из задач, ради решения которой писатели создают свои произведения, является привлечение внимания к какой-то проблеме, противоречию — конфликту.

Конфликт — столкновение противоположностей: точек зрения, характеров, отношений к герою или событию.

Конфликт составляет основу всего произведения. В рассказе — малом жанре — он, как правило, один. В произведениях большого объёма конфликтов может быть несколько. Именно с его развитием связано движение сюжета произведения. Начало конфликта — это завязка. Наиболее напряжённый момент в его развитии совпадает с кульминацией. Разрешение конфликта приводит к развязке.

1. С кем из героев рассказа «Уроки французского» вступает в конфликт мальчик? Запишите их имена. Как разрешается каждый из конфликтов?
2. Охарактеризуйте конфликтную ситуацию, в которую попадает герой рассказа, играя на деньги в компании подростков и с учительницей. В чём различие этих конфликтов?
3. Какие внутренние противоречия испытывает герой рассказа? Объясните, какие из них можно было разрешить.

Стихотворение как лирическое произведение

В XVIII веке в русской литературе под влиянием западноевропейской поэзии сложилась строгая система лирических жанров. Среди них ода, элегия, песня, послание, эпиграмма и т. д. Но в начале XIX века эти лирические жанры утрачивают чёткие очертания, их границы размываются. С этого времени в русской поэзии чаще всего встречаются *лирические стихотворения*. Они по тематическому принципу подразделяются на патриотические, пейзажные, любовные, философские и т. п.

Стихотворение — лирическое произведение, которое не относится к какому-либо определённому жанру, а объединяет в свободной форме различные жанровые традиции; оно:

- обычно небольшого размера;
- передаёт личные чувства и эмоции, вызванные общением с природой или людьми;
- имеет интонацию, часто близкую к песенной;
- написано особой стихотворной речью;
- как правило, имеет ритм и рифму (созвучие окончаний стихотворных строк), разделяется на строфы.

В лирике каждое слово обладает дополнительной выразительностью. В поэтической речи оно имеет особое звучание, когда подчиняется ритму или рифмуется с другими словами. Отдельные слова и даже целые предложения становятся средствами создания художественных образов. К ним относятся эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения и др.

Эпитет — образное определение.

Сравнение — сопоставление одного предмета или явления с другим. Часто вводится союзами *как, будто, словно*.

Метафора — использование слова в переносном значении, при котором происходит уподобление одного предмета другому по сходству.

Олицетворение — наделение какого-либо предмета или явления свойствами живого существа.

Важной отличительной чертой стихотворений выступает повышенная эмоциональность. Для её передачи лучше стихотворные произведения читать наизусть.

1. Найдите в статье слова, которые обозначают понятия, необходимые для определения стихотворения как лирического произведения. Пользуясь ими, докажите, что приведённые ниже тексты можно (или нельзя) отнести к лирической поэзии:

а) В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была.

б) Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом
Точно серебром.

2. Составьте синквейн «Стихотворение как лирическое произведение».

3. Как вы считаете, для чего нужно писать стихи?

4. Как вы думаете, существует ли вид искусства, которым можно заменить лирические произведения? Можно ли отказаться от стихотворений вообще?

5. Почему стихотворные произведения рекомендуется читать наизусть, а не по книге?

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799—1837)

30 июля 1824 года А. С. Пушкин был выслан в Псковскую губернию, в родовое поместье Михайловское, под домашний надзор. Однако возвращение домой не обрадовало родных: отец поэта официально согласился следить за поведением и перепиской сына, что привело к ссоре. Вскоре из Михайловского уехали брат с сестрой, затем родители. Пушкин почти на два года остался с няней, которая занимала поэта сказками и народными песнями. Александр Сергеевич писал одному из друзей: «...вечерами слушаю сказки моей няни, ...она единственная моя подруга — и с ней мне не скучно».

Няня растила не только будущего поэта (до 7 лет), но и его сестру Ольгу и брата Льва.

Арина Родионовна

Александр Сергеевич Пушкин был любимцем у няни, всегда очень трепетно относился к своей кормилице, называл её «мамушка». Есть сведения, что Арине Родионовне хотели дать вольную[1], но она отказалась и верно служила семье Пушкиных до самой смерти. Современники А. С. Пушкина отмечали удивительную подвижность Арины Родионовны, утверждали, что «...она была ласковая, заботливая хлопотунья, неистощимая рассказчица», «страстно любившая своего питомца».

[1] *Во́льная* — документ об освобождении крестьянина от крепостной зависимости.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

1. Найдите обращения. Почему с них начинается стихотворение?

2. Выпишите из стихотворения устаревшие слова. Установите их значение. Зачем их использует поэт?

3. Почему стихотворение заканчивается многоточием? Какое чувство оно подчёркивает?

1. Докажите, что няня очень долго ожидает поэта. Определите, с помощью каких слов это передано.
2. Какие детали облика любимой няни упоминает поэт? Почему нет развёрнутого описания её внешности?
3. Определите «светлые» и «мрачные» слова-образы в стихотворении. Какой смысл они приобретают в тексте?
4. Какие чувства выразил поэт в стихотворении «Няне»? С какой интонацией его надо читать? Определите наиболее значимые слова в каждой строке и те из них, в которых ярко выражены грусть и печаль. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения.

5. Знакомы ли вы с одиноким пожилым человеком? В чём больше всего, на ваш взгляд, нуждаются такие люди?

А. С. Пушкину не нужно было ездить в Италию за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него под рукою здесь, на Руси, на её плоских и однообразных степях, под её вечно серым небом, в её печальных деревнях и её богатых и бедных городах... (В. Г. Белинский).

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой[1] взоры
Навстречу северной Авроры[2],
Звездою севера явись!

1. С какой интонацией надо читать начало стихотворения?

Вечор[3], ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче… погляди в окно:

2. Перечитайте вечерний пейзаж. Какое настроение ему соответствует? Назовите сравнения, эпитеты и олицетворения, рисующие его.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

3. Как поэтически представлены комнаты? Созвучен ли он пейзажу за окном? Какими звуками он наполнен?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

---

[1] *Не́га* — блаженство, упоение.
[2] *Авро́ра* — здесь: заря.
[3] *Вечо́р* (устар.) — накануне вечером.

Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1. Найдите глаголы, обозначающие настойчивую просьбу. Почему автор употребляет их в начале и в конце стихотворения?
2. С какой целью используются восклицательные предложения? Как в обращениях передаётся чувство восхищения не только зимним утром, но и красавицей?
3. Назовите художественные детали, создающие утренний пейзаж. Какими цветами автор окрашивает эти картины?
4. Почему домашний покой не устраивает героя? Какую прогулку стремится он совершить? Откликнулся ли «друг милый» на просьбу поэта?
5. Одинаковы ли по настроению начало и окончание стихотворения? Какое состояние описывается в трёх последних строках?
6. Каким был бы зимний день, если бы вы начали его с пушкинского восклицания «Мороз и солнце; день чудесный!»? Опишите этот день (природу и своё настроение) в небольшом сочинении-описании.
7. Найдите соответствующие иллюстрации (фотографии) и создайте коллаж к стихотворению «Зимнее утро» А. С. Пушкина.

Двусложные и трёхсложные стихотворные размеры

Ритм стихотворный — равномерное чередование каких-либо фрагментов в стихотворении (строк с определённым количеством слогов, ударных и безударных слогов в одной строке и т. д.).

Именно ритм придаёт музыкальность поэтической речи и отличает её от прозы. Ритм определяет размер стихотворения. Чтобы определить *стихотворный размер*, нужно следовать алгоритму:

1) проставить в строке все ударения:

Моро́з и со́лнце; де́нь чуде́сный!..

2) определить, сколько слогов объединяется одним ударением (обычно это два или три слога), отделить их вертикальной чертой друг от друга:

Моро́з/ и со́лн/це; де́нь/ чуде́с/ный!..

3) установить, на какой слог падает ударение, определить разновидность стихотворной стопы по таблице 5.

Стопа — несколько слогов в стихотворной строке, объединённых одним ударением. Бывают дву- и трёхсложные стопы.

Моро́з/ и со́лн/це; де́нь/ чуде́с/ный!.. — повторяется сочетание двух слогов, где ударение падает на второй слог, значит, это ямб;

Таблица 5

Двусложные и трёхсложные стихотворные стопы

Двусложные стопы — один ударный слог, один безударный.	**Трёхсложные стопы** — одно ударение на три слога.
Хоре́й — двусложная стихотворная стопа, где ударение падает на первый слог: ́ ∪/	*Да́ктиль* — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге: ́ ∪ ∪/
Ямб — двусложная стихотворная стопа, где ударение падает на второй слог: ∪ ́/	*Амфибра́хий* — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге: ∪ ́ ∪/
	Ана́пест — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на третьем слоге: ∪ ∪ ́/

4) подсчитать количество стоп в одной строке. Для этого полезно составить и схему стихотворной строки, где ∪ — безударный слог, а ∪́ — ударный слог.

∪∪́ / ∪∪́ / ∪∪́ / ∪∪́ / ∪ — такую схему имеет проанализированная строка. В ней 4 полные стопы и 1 неполная — всего пять стоп;

5) определить стихотворный размер: в данном случае это пятистопный ямб.

1. Пользуясь предложенным алгоритмом, определите размеры стихотворений, которые вы помните наизусть, и опишите настроение, которое передано в них.
2. Определите, с помощью какого из стихотворных размеров точнее передаются радость, бодрое настроение, печаль, ожидание, размышления. Ряд можно продолжить. Ответ оформите в виде таблицы «Взаимосвязь стихотворного размера и настроения».

Настроение	Стихотворный размер

3. Сравните стихотворения с двусложными и трёхсложными размерами: какие из них ближе к разговорной речи?

4. Выполните задание «Теория литературы. Тест».

К числу главных ценностей в человеческой жизни А. С. Пушкин относил дружбу. Он сам умел дружить: легко сходился с людьми, мог поддерживать отношения десятилетиями. Круг друзей поэта был очень широк: лицеисты и соседи, литераторы и критики, те, кто были его учителями, и те, для кого он сам был учителем. Эта часть жизни Пушкина отразилась в стихотворениях о дружбе.

Иван Иванович Пущин — друг А. С. Пушкина по лицею. Мальчики познакомились во время экзамена. «По сходству ли фамилий, — писал Пущин в своих записках, — или по чему другому, только я его заметил с первого взгляда». Между мальчиками завязалась горячая дружба, их комнаты были расположены рядом.

В конце 1824 года И. И. Пущин узнал, что А. С. Пушкин сослан в Михайловское, и решился навестить его. Знакомые не советовали рисковать, так как поэт находился под надзором полиции и духовенства, но Пущин не послушался. Встреча в январе 1825 года произвела сильное впечатление на обоих. Больше друзьям не пришлось встретиться. 14 декабря 1825 года И. И. Пущин был на Сенатской площади вместе с другими декабристами, затем был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. После суда, лишённый чинов и дворянства, он был приговорён к ссылке в Сибирь на вечные каторжные работы. В день прибытия в Читу Пущину был передан листок бумаги, на котором неизвестной рукой было написано стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!..». До конца жизни И. И. Пущин хранил это послание А. С. Пушкина как святыню.

* * *

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1. Какие обстоятельства жизни поэта отразились в стихотворении «Мой первый друг, мой друг бесценный!..»? В каком состоянии находился тогда поэт? Найдите слова, передающие его.
2. Какую роль в стихотворении играют обращение и эпитеты?
3. Определите стихотворный размер. Какое звучание он придаёт произведению?

4. Какова главная мысль стихотворения?

5. По литературоведческому словарю уточните, что такое послание. Докажите, что стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!..» является посланием.

6. Найдите и рассмотрите картину Н. Н. Ге «А. С. Пушкин в селе Михайловском». Опишите, какой увидел встречу друзей художник. Как бы вы «озвучили» («оживили») картину? Придумайте и инсценируйте (разыграйте в классе) диалог, который мог бы состояться между А. С. Пушкиным и И. И. Пущиным.

7. Как вы понимаете слова писателя Ф. А. Искандера о творчестве Пушкина: «По-моему, “Мороз и солнце; день чудесный!..” — не только прекрасные стихи, но и средство от простуды и, что ещё важней, средство от депрессии»; «Я думаю, что... чтение Пушкина способствует долголетию, как альпийский воздух»? Как бы вы оценили влияние произведений А. С. Пушкина на читателя?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Весной 1832 года 17-летний Лермонтов оказался в ситуации сложного выбора. Поэт был отчислен из Московского университета «за свободолюбивые мысли и взгляды, за нежелание смиряться с несправедливостью». Дальнейшая судьба и карьера оказались под вопросом.

Очень беспокоило юношу расставание с любимой Москвой и единственным по-настоящему близким человеком — бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. По её настоянию Лермонтов поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Петербург). Однажды, гуляя по Финскому заливу, Лермонтов был впечатлён одиноким парусником и написал стихотворение «Парус».

ПАРУС

М. Ю. Лермонтов.
Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрыпит...
Увы! он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1. Найдите слова, характеризующие парус. Кто подразумевается под ним?
2. Выпишите парами слова, противоположные по значению. Что символизирует каждое из них?
3. Найдите в тексте эпитеты, метафоры, повтор слов, одинаковое построение предложений, обратный порядок слов, повторяющиеся звуки. Определите стихотворный размер.
4. Почему стихотворение нельзя считать только пейзажной зарисовкой? Какова его главная мысль?
5. Рассмотрите акварельный рисунок «Парус» М. Ю. Лермонтова. Какие детали объединяют его со стихотворением?
6. Прослушайте романс «Белеет парус одинокий» А. Е. Варламова на стихи М. Ю. Лермонтова. Какие чувства выражены в романсе?

В 1837 году М. Ю. Лермонтов, удручённый гибелью А. С. Пушкина на дуэли, написал очень смелое стихотворение «Смерть поэта», за что был отправлен в ссылку на Кавказ. Юный поэт вернулся оттуда в 1838 го-

ду, но уже в 1840 году был выслан вновь. Когда друзья собрались проститься с М. Ю. Лермонтовым перед отъездом, «растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение “Тучки небесные, вечные странники!..”».

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1. Почему стихотворение начинается с обращения?
2. Можно ли дать ответы на вопросы, приведённые во втором четверостишии? Для чего тогда их ставит автор?
3. Найдите эпитеты и объясните их роль в стихотворении.
4. Что подразумевается под выражением «милый север»? Что может заставить героя покинуть милый край?
5. Почему автор «тучки небесные» называет «вечными странниками»? Каково символическое значение туч?

6. Определите стихотворный размер. Как он связан с темой и главной мыслью стихотворения?

7. Объясните, почему В. Г. Белинский считал, что стихотворение «Тучи» «пленяет роскошью поэтических образов».

М. Ю. Лермонтов отважно сражался на войне с горцами, однако погиб на дуэли с русским офицером Мартыновым. Стихотворение «Утёс» было написано поэтом незадолго до гибели.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1. Какие образы являются главными в стихотворении? Сравните их по величине, настроению, характеру действий. Сделайте вывод: что символизируют утёс и тучка?
2. Сколько частей в стихотворении? Какое настроение передано в каждой из них?
3. Какова главная мысль стихотворения?
4. Стихотворение «Утёс» около 80 композиторов перекладывали на музыку. Наиболее известны романсы А. Г. Рубинштейна (1849), А. С. Даргомыжского (1856), Н. А. Римского-Корсакова (1866), С. В. Рахманинова (1894). Прослушайте несколько из них. Сравните эмоции и чувства, вызванные музыкальным и литературным произведениями.

Поэт в совершенстве владел несколькими иностранными языками, но никогда специально не занимался переводами. Зимой 1841 года, незадолго до трагической гибели, он записал в дневнике вольный перевод стихотворения «Сосна» Г. Гейне, немецкого поэта XIX века, которое сегодня известно под названием «На севере диком...».

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой[1], она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горючем
Прекрасная пальма растёт.

И. И. Шишкин.
На севере диком

1. Какие чувства вызывает стихотворение? Какие краски вы бы использовали при создании иллюстраций к нему?
2. Какими вы представляете сосну и пальму? Почему поэт «очеловечивает» их?
3. Найдите эпитеты, сравнения, олицетворения, обратный порядок слов. Как они передают состояние одиночества?

4. Найдите подстрочный перевод стихотворения «Сосна» Г. Гейне и сравните его с текстом М. Ю. Лермонтова. Запишите отличия между этими произведениями. Объясните, почему стихотворение Лермонтова является самостоятельным произведением, а не переводом.
5. Рассмотрите репродукцию картины И. И. Шишкина «На севере диком...». Что объединяет картину и стихотворение?
6. И. Л. Андроников, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова, писал: «Немного рождалось поэтов, которые бы так “слышали” мир и видели его так — динамично, объёмно, красочно. В этом Лермонтову-поэту помогал его глаз художника». Какую особенность творчества поэта подчёркивал И. Л. Андроников? На примере одного из стихотворений докажите, что М. Ю. Лермонтов является мастером поэтической живописи.

7. В. Г. Белинский писал о М. Ю. Лермонтове: «...Приступая к изучению поэта, прежде всего должно уловить в разнообразии его произведений тайну его личности...» Как личность поэта отразилась в изученных стихах?

---

[1] *Ри́за* — здесь: платье, одеяние.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

(1821—1877)

Н. А. Некрасов рос в имении Грешнёво, которое находится на берегу Волги. Мальчишкой он не раз убегал на реку поиграть и порыбачить. Именно тогда он впервые увидел бурлаков[1] и был поражён их обликом и трудом. Будучи уже известным, поэт не раз приезжал на Волгу поохотиться и отдохнуть. В одну из таких поездок и было написано стихотворение «На Волге».

НА ВОЛГЕ

(В сокращении)

Не торопись, мой верный пёс!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Ещё успеем мы стрелять.
Ты удивлён, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. <...>

О Волга! после многих лет
Я вновь принёс тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,

1. Какими автобиографическими чертами поэт наделил героя своего стихотворения?

2. Какие чувства испытывает герой, потрясённый могуществом Волги? Что обостряет силу этих чувств?

3. Какой предстала Волга перед поэтом «после многих лет»? Назовите художественные средства, с помощью которых создаётся образ величественной русской реки.

[1] *Бурла́к* — наёмный рабочий в России XVI — начала XX века, который шёл по берегу и тянул на бечеве — прочной толстой верёвке, канате — против течения речное судно.

Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет... <...>

1. Какие чувства возникают в душе героя, услышавшего «звон колоколов»?

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

2. Как суровая реальность прерывает «розовые мечты» героя? Какой приём здесь использован автором?

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке[1],
Брожу с ружьём по островам.

3. Найдите обращение к реке. Поясните его смысл.

4. Какими сокровенными воспоминаниями делится автор с читателем?

5. Что осталось неизменным на Волге?

[1] *Челно́к* — лодка из досок или цельного ствола дерева, обычно с острым носом и тупой кормой.

То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушёл бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

1. Почему воспоминания о детстве предшествуют рассказу о бурлаках?

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушён.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котёл с расшивы[1] принесли,
Уселись, развели костёр
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«— Когда-то в Нижний[2] попадём? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью[3]...» — «Авось придём, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!

2. Найдите разговор бурлаков. Какая интонация будет лучше всего передавать их состояние? Подготовьте чтение по ролям.

---

[1] *Расши́ва* — большое парусное речное судно на Волге и Каспийском море в XVIII—XIX веках.

[2] *Ни́жний* — здесь: Нижний Новгород, крупнейший город Поволжья, расположенный в месте слияния Волги и Оки.

[3] *Илья́* — здесь: церковно-религиозный праздник, у православных отмечается 2 августа.

Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы ещё...»
Он замолчал и навзничь лёг.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможённые черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадёжный взор...

И. И. Репин. Бурлаки на Волге

1. Выпишите эпитеты и сравнения, характеризующие бурлаков. Какое впечатление они произвели на героя стихотворения?

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

2. Попробуйте объяснить поведение героя: почему, увидев картины тяжёлой жизни бурлака, мальчик наутро вновь убежал на Волгу?

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

3. Что заставило героя «родную реку» назвать «рекою рабства и тоски»? Какие совершенно новые стороны жизни мальчик открыл для себя?

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!.. <...>

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поёшь,
Всё ту же лямку ты несёшь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел[1],
Когда б ты менее терпел? <...>

1. С какой целью автор использует повторы в последней строфе?

2. Почему новая встреча с бурлаками оказалась для героя таким же потрясением?

3. Как относится к бурлакам герой, став взрослым?

4. Какое настроение передаётся в последних строках стихотворения?

1. Почему стихотворения Н. А. Некрасова, где речь идёт о жизни народа, литературоведы называют стихотворными рассказами? Найдите признаки эпоса в лирическом произведении.

2. Прослушайте русскую народную песню «Дубинушка». Изначально её пели лесорубы, но во второй половине XIX века эта песня была распространена среди бурлаков. Что объединяет стихотворение «На Волге» Н. А. Некрасова, картину «Бурлаки на Волге» И. И. Репина и русскую народную песню «Дубинушка»?

[1] *Уде́л* — здесь: участь, доля, судьба.

Антитеза

Антитеза — противопоставление образов, поступков, картин, слов, понятий. Как правило, они являются антонимами.

Антитеза очень распространена в фольклоре, например в пословицах и поговорках: «Мягко стелет, да жёстко спать», «Утро вечера мудренее» и др. Существует несколько способов использования антитезы в литературном произведении. На антитезе может строиться всё произведение: тогда противопоставляются его отдельные части или поведение и облик героя, например, в начале и в конце произведения. Антитезу часто выносят в заглавие произведения. Такие заголовки имеют басня «Волк и ягнёнок» И. А. Крылова, рассказ «Толстый и тонкий» А. П. Чехова, повесть-сказка «Принц и нищий» М. Твена, сказка «Красавица и чудовище» Ш. Перро и др.

Могут противопоставляться понятия, явления или предметы. Важно, чтобы они были сопоставимыми, т. е. у них должно быть что-то общее, например: день и ночь, чёрный и белый и т. д. Антитеза придаёт тексту дополнительную убедительность.

1. Найдите антитезу в стихотворении «Зимнее утро» А. С. Пушкина.
2. Какие образы противопоставлены в стихотворении «На Волге» Н. А. Некрасова? Какую роль играет в этом произведении антитеза?
3. Вспомните и запишите как можно больше пословиц и поговорок, заголовков народных сказок, где используется антитеза. Почему так распространён этот приём в фольклоре?
4. Выполните задание «Стихотворение как лирическое произведение. Тест».

Н. А. Некрасов всегда очень трогательно относился к детям. Они часто становились героями его лирики. В последние годы жизни Некрасов написал несколько стихотворений специально для детей: «Дедушка Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», «Пчёлы», «Соловьи».

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас бурёнку обряжу[1],
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдём соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар, и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо, и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

1. К кому обращён монолог крестьянки? О чём рассказывает мать своим детям?

2. Подтвердите примером из текста, что крестьянка — труженица.

3. Какие слова говорят о доброте и нежности крестьянки?

4. Выпишите из стихотворения просторечные слова и выражения, неправильные формы слов, найдите фразеологизмы. Определите их значения. Какую роль они играют в произведении?

---

[1] *Обряди́ть* — привести в порядок.

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залётных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же Бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,

Ил. Г. С. Волхонской

1. Прочитайте строки, подтверждающие, что крестьяне любят и понимают природу.

2. Какие строки говорят о тяжёлом, бесправном положении народа?

А старший с важностью спросил,
Кубарь[1] пуская перед нею:

«А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете?» —
«Нет, мест таких… без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки…»

1. Перечитайте вопрос, заданный старшим сыном, и ответ матери на него. Каков его иносказательный смысл? О чём хотел узнать мальчик?

2. Какая тема волновала поэта и стала ведущей в его творчестве?

1. Каково отношение автора к происходящему? Можно ли утверждать, что он с пониманием относится и к крестьянам, и к природе?

2. На основании изученных стихотворений расскажите, что было самым важным в жизни русского народа во второй половине XIX века.

3. Докажите, что Н. А. Некрасова справедливо называли поэтом-трибуном[2].

Афанасий Афанасьевич ФЕТ

(1820—1892)

В этом человеке удивительным образом уживались тонкий лирик, умевший передавать самые нежные оттенки чувств и состояний природы, и деловитый, успешный помещик-хозяин. А. А. Фет «родился поэтом». Он с детства обожал читать шедевры А. С. Пушкина, начал писать свои стихи во время учебы в пансионе. Первый поэтический сборник Фета был опубликован, когда ему было 20 лет.

[1] *Куба́рь* — детская игрушка, разновидность волчка.
[2] *Трибу́н* — защитник народа от произвола властей.

А. А. Фет создал в своих произведениях «светлое царство мечты», в котором правят бал гармония и красота.

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползёт лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несётся рысью.

1. Выпишите «цветовые» слова из текста. Какими красками наполнен вечерний пейзаж?

1. Какое время суток описано в стихотворении?
2. Какие звуки может услышать внимательный читатель стихотворения?
3. Как в произведении соединяются покой и движение? Противопоставлены ли они?
4. Какое настроение возникает у читателя? С помощью каких средств оно создаётся и поддерживается на протяжении чтения?

5. Используя режим «Панорама», с помощью смартфона (или другого устройства) сфотографируйте закат. Сделайте ещё несколько снимков в обычном режиме. Сравните изображения и впечатления, которые они вызывают. Докажите, присутствует ли в стихотворении А. А. Фета панорама летнего вечера.

Многие русские поэты писали о зиме. Вспоминаются пушкинские шедевры: «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Зимнее утро». Необычная зима была у Ф. И. Тютчева: она умела злиться и ворчать, не желая уступать место весне («Зима недаром злится...»). Весёлая затейница со многими детскими забавами — у И. З. Сурикова. Своя зима есть и у А. А. Фета.

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

1. Где происходит действие в этом стихотворении? На какие детали городского пейзажа обращает внимание автор?
2. Какое время суток отражено в описании зимнего города? Какими красками наполнен пейзаж? Почему их так мало?
3. Есть ли в стихотворении движение? Слова каких частей речи передают состояние покоя, ночного сна?
4. Как описана зимняя стужа? Какие художественные приёмы при этом использованы поэтом?
5. Определите размер стихотворения. Обратите внимание на длину строк. Какие звуковые ассоциации вызывает стихотворный ритм?
6. Рассмотрите иллюстрации. Какая из них более созвучна стихотворению «Скрип шагов вдоль улиц белых...» А. А. Фета? Докажите свою точку зрения с помощью цитат.

а)

б)

Считается, что А. А. Фет впервые «детализировал» русскую природу. До него она была показана очень широко, а он сумел разглядеть каждую мелочь в природном мире и передать свои ощущения. Они иногда были просто мимолётными, трудноуловимыми. Для усиления впечатления поэт использовал фонетические особенности поэтической речи. Это придавало стихам А. А. Фета удивительную музыкальность.

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я лёгкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

1. От чьего лица написано стихотворение? К кому оно обращено?
2. Что заставило поэта остановиться и замереть перед бабочкой?
3. Какие слова и выражения помогают увидеть красоту бабочки? Определите, какие средства создания художественного образа здесь использованы.
4. Почему в стихотворении нет подробного описания бабочки, а есть только отдельные детали её «портрета»?
5. Сравните длину строк в строфе. Для чего поэт использует чередование длинных и коротких строк?

6. Почему можно утверждать, что стихотворение «Бабочка» представляет собой неполный диалог? Чьих реплик недостаёт? Попробуйте восстановить недостающую часть диалога. Придумайте и запишите, что мог говорить поэт бабочке, о чём спрашивать её. Постарайтесь в своих предложениях сохранить ритм и размер стихотворения.

7. Сравните стихотворение «Бабочка» А. А. Фета с басней «Стрекоза и Муравей» И. А. Крылова. Почему бабочку нельзя упрекнуть в её беззаботности, а для Стрекозы она считается пороком? Как жанр произведения влияет на восприятие этих образов?

8. В стихотворениях А. А. Фета созданы яркие картины природы. Подберите к понравившемуся стихотворению иллюстрации и музыкальное сопровождение. Создайте электронную поздравительную музыкальную открытку.

Понятие «чистое искусство». Звукопись

Во второй половине XIX века в русской литературе появилось «чистое искусство». Оно ярко проявилось в творчестве А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова и др. Считается, что его суть очень точно выразил А. С. Пушкин: «Цель поэзии — поэзия!»

«Чистое искусство» — это искусство для искусства, где воспевались красота природы и человека, любовь и радостное отношение к жизни, передавались тончайшие впечатления и ощущения автора.

Одним из самых частых средств создания образа в «чистом искусстве» была звукопись.

Звукопись — повторение определённых звуков для передачи природных явлений или состояния человека.

Могут повторяться согласные — эта разновидность звукописи называется *аллитерацией*. Например, в строках из сти-

хотворения «Водопад» Г. Р. Державина повторяется сочетание звуков [гр]. Так передаётся звук падающей воды: «**Гр**охочет эхо по **г**орам, как **гр**ом **гр**емящий по **гр**омам».

Повторение гласных звуков называется *ассонансом*. Например, А. С. Пушкин использует повторение звука [у], чтобы передать шум улицы: «Брожу ли я вдоль **у**лиц ш**у**мных, // Вхожу ль во многол**ю**дный храм, // Сижу ль меж **ю**ношей без**у**мных, // Я преда**ю**сь своим мечтам».

Очень часто ассонанс и аллитерация используются одновременно, создавая целостный образ, картину природы.

В устном народном творчестве звукопись является основным приёмом в скороговорках: «Сшила Саша Сашке шапку, // Сашка шапкой шишку сшиб».

1. Сравните изученные стихотворения Н. А. Некрасова и А. А. Фета. Какие темы и образы встречаются у каждого из поэтов? Какие проблемы поднимаются? Чьё творчество — Некрасова или Фета — следует отнести к «чистому искусству»? Объясните свой выбор.
2. Проанализируйте звуковой состав строк: «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...». Какие разновидности звукописи в стихотворении «Зимний вечер» А. С. Пушкина помогают создать образ бури?

3. Найдите отрывки из художественных произведений, где авторы используют звукопись, подготовьте их выразительное чтение. Докажите, что в выбранных фрагментах использована звукопись.
4. Подберите 2—3 авторские или фольклорные скороговорки. В классе проведите конкурс «Быстрый говорун».
5. Узнайте, когда в русской литературе появилась звукопись и кто первым начал использовать данный приём в своём творчестве.

6. О каком средстве создания художественных образов, заложенном в самом языке, говорил К. Г. Паустовский: «С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого, что нельзя было бы передать русским языком. Звучание музыки, <...> громыхание грозы, детский шёпот и шорох морского гравия»? Подумайте, какие звуки русского языка (или их сочетание) помогут передать те природные явления, о которых говорил К. Г. Паустовский.

Александр Александрович БЛОК

(1880—1921)

А. А. Блок был внуком А. Н. Бекетова — знаменитого профессора ботаники, ректора Петербургского университета. Но для любимого внука дедушка сочинял сказки и рисовал весёлые картинки. Бабушка Блока, Е. Г. Карелина, была очень начитанна и владела пятью языками, занималась переводами с французского и английского языков.

Лето будущий поэт проводил в усадьбе Шахматово, где был окружён друзьями, любил собак, кошек, зайцев, ежей, даже червяков. Дедушка брал мальчика с собой на ботанические прогулки. А. А. Блок вспоминал: «Мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки вёрст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам[1] ботаники, так что я помню и теперь много ботанических названий».

Блок с увлечением занимался выпиливанием и переплётным мастерством. В гимназии он очень любил древние языки, читал А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, М. Рида, Ф. Купера, Ж. Верна, Ч. Диккенса. В 1894 году А. А. Блок начал издавать рукописный журнал «Вестник» — по одному экземпляру в месяц. Журнал иллюстрировался картинками, вырезанными из других журналов, рисунками дедушки Бекетова и самого Блока.

[1] *Нача́тки* — первые элементарные сведения.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи[1].

1. Какие слова первого и второго четверостиший помогают ощутить умиротворение и спокойствие?

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы[2]
Среди вечерней тишины.

2. Назовите ключевые слова последнего четверостишия. Как следует его читать?

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

1. Какие звуки придают стихотворению плавность?
2. Почему в стихотворении «Летний вечер» диск луны не серебряный, а красный?
3. Расскажите об отношениях человека и природы, которые переданы в этом стихотворении.

4. Какие песни жницы могли бы раздаваться над полем? Назовите 2—3 песни и ознакомьте с ними ваших друзей. Проведите праздник народной и литературной песен, включив в его программу произведения, близкие по настроению и тематике стихотворению «Летний вечер» А. А. Блока.

5. Приходилось ли вам летним вечером гулять по полю, в роще, наблюдать закат? Что вас особенно впечатлило в такой прогулке? Подберите слова, которые помогут передать: вариант 1 — образы летнего вечера; вариант 2 — ощущения и впечатления, переживаемые человеком летним вечером.

---

[1] *Межа́* — граница земельных владений в виде узкой полосы необрабатываемой земли.

[2] *Жни́ца* — женщина, которая в поле убирает хлеб, срезая колосья серпом.

6. Пригласите своих друзей на виртуальную вечернюю прогулку. Подберите для презентационного показа картины художников или собственные иллюстрации с изображением летнего вечера, а также поэтические строки из стихотворений о природе. Продумайте музыкальное сопровождение, подчёркивающее ваши чувства и эмоции, или создайте аудиозапись с выразительным чтением стихотворений на русском или белорусском языке в собственном исполнении. Предложите друзьям описать своё настроение и ответить на вопрос «Что значит для вас природа?».

7. Выполните интерактивные задания и тесты по творчеству А. А. Блока из электронного образовательного ресурса.

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903—1958)

Детство Н. А. Заболоцкого прошло недалеко от Казани, а также в Вятской губернии. Любовь к земле, бережное к ней отношение воспитал в сыне отец, работавший агрономом. Мать, сельская учительница, привила маленькому Николаю трудолюбие, самостоятельность и стремление узнавать всё новое. Сначала он мечтал стать учёным, связать своё будущее с землёй, но привязанность к поэзии и живописи победила. Тема природы в его стихотворениях стала одной из основных.

Истинным наставником и воспитателем будущего поэта стал книжный шкаф отца. «Здесь, около книжного шкафа... я навсегда выбрал себе профессию и стал писателем, сам ещё не вполне понимая смысл этого большого для меня события», — вспоминал поэт. Уже в третьем классе Н. А. Заболоцкий решил издавать рукописный журнал, в котором помещал собственные стихи.

«Мои первые неизгладимые впечатления природы связаны с этими местами, — вспоминал поэт. — Вдоволь наслушался я там соловьёв, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира. Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях».

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нём и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоёт он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

И. И. Шишкин.
Среди долины ровныя

1. Каким представляется поэту одинокий дуб? Опишите его, используя выражения из стихотворения.
2. Почему дуб в стихотворении Н. А. Заболоцкого стал таким неприглядным? Что сгубило его красоту?
3. Что помогло дубу остаться воином? Почему он остался важен и спокоен?
4. К кому автор обращается со словами «Вглядись в него: он важен и спокоен...»?

5. Выпишите из стихотворения рифмующиеся слова. Встречаются ли они в обычной жизни? Как объяснить их использование в стихотворении?
6. Какая пословица используется в последнем четверостишии? Почему автор изменяет её?
7. Найдите антитезу в стихотворении. С какой целью её использует поэт? Какой аллегорический смысл вкладывает Н. А. Заболоцкий в произведение?

8. Сравните описание дуба в стихотворении «Одинокий дуб» Н. А. Заболоцкого с картиной «Среди долины ровныя...» И. И. Шишкина (с. 155). Каковы художественные устремления авторов произведений? Нарисуйте свой пейзаж, выбрав главным предметом на нём дуб. Напишите небольшой комментарий к иллюстрации (что и почему изображено в пейзаже). Создайте в школе художественную выставку (можно виртуальную) из рисунков.

9. Напишите короткий рассказ о человеке, который выстоял в тяжёлой жизненной ситуации, подобно дубу — герою стихотворения «Одинокий дуб» Н. А. Заболоцкого.

10. Выполните одно интерактивное задание или тест по творчеству Н. А. Заболоцкого.

Николай Михайлович РУБЦОВ

(1936—1971)

Н. М. Рубцов рос в многодетной семье. Великая Отечественная война во многом определила его судьбу. Мамы не стало, когда мальчику было 6 лет, отца призвали на фронт. Будущий поэт сменил несколько детских домов. В Никольском детдоме Вологодской области он окончил семь классов. Среди детдомовцев Николай Рубцов считался одним из лучших учеников. Первое своё стихотворение он написал ещё в третьем классе.

Звезду полей, которая «горит, не угасая», автор стихотворения наблюдал с раннего детства в родном селе. Для Н. М. Рубцова звезда — это маяк, освещающий нелёгкий писательский путь. В тяжёлые минуты потрясений она даёт поэту силы принять верные решения.

«Звезда полей» — это и символ малой родины. Рубцов много путешествовал, но для него не было ничего роднее и дороже, чем северная, небогатая на урожай, но щедрая на душевное тепло родная земля.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью[1].
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

[1] *Полынья́* — незамёрзший или протаявший участок на воде.

1. Где и для кого горит «звезда полей»? Почему автор называет «жителей земли» тревожными?
2. Почему первые три четверостишия начинаются одинаково? Найдите другие повторы в стихотворении. Объясните, с какой целью их использовал поэт.
3. Какие чувства испытывает герой стихотворения? Подтвердите свой ответ словами из текста.
4. Какие картины природы изображаются в стихотворении Н. М. Рубцова? Можно ли отнести стихотворение «Звезда полей» к пейзажной лирике?
5. Вспомните, где человек использует знак звезды. Что в этих случаях символизирует звезда? Каким новым содержанием автор наполняет этот символ в стихотворении?
6. Научитесь выразительно читать стихотворение. При возможности запишите чтение на диктофон и прослушайте его. Определите сильные и слабые стороны чтения. Постарайтесь учесть недочёты при выразительном чтении произведения перед аудиторией. Проведите конкурс чтецов с определением победителей. Осветите это литературное мероприятие на школьном сайте.
7. Знакомы ли вам поэтические блоги современных поэтов? Со стихотворениями о природе каких поэтов вы бы хотели познакомить своих друзей? Проведите поэтическую пятиминутку на уроке, кратко представив понравившегося поэта и прочитав его стихотворение.
8. Создайте короткий видеоролик в произвольной художественной форме о понравившемся авторе или стихотворении. Постарайтесь передать настроение произведения и свои читательские эмоции. По возможности разместите видеоролик на литературной странице школьного сайта.
9. Что значит для вас природа? Какое место в вашей жизни она занимает? Составьте обращение к людям с призывом бережно относиться к природному миру малой родины.
10. Выполните интерактивные задания и тесты по творчеству Н. М. Рубцова.
11. Ознакомьтесь с разделом «В школе стихосложения». Опираясь на текст стихотворения Н. М. Рубцова, письменно ответьте на вопросы, предложенные в задании.

Повесть как эпический жанр

Первые повести появились в древнерусской литературе: «Повесть о нашествии Батыя на Рязань», «Повесть о Калкской битве», «Повесть о Петре и Февронии» и др. Первоначально повестью называли рассказ о событиях, увиденных или услышанных автором. Со временем значение этого жанра изменилось.

Повесть — средний эпический жанр, который по объёму меньше романа, но больше рассказа.

У повести много общего с рассказом. В обоих жанрах изображается действительность, однако в повести её охват шире, поэтому и сюжет сложнее. Иногда в нём можно обнаружить несколько сюжетных линий. Именно поэтому время действия обычно больше, чем в рассказе.

В повести значительную роль играют описания природы, портреты героев, их монологи и диалоги. В повести, как правило, больше действующих лиц, чем в рассказе, и сложнее композиция. Герои делятся на главных и второстепенных.

1. Поясните, в чём состоят различия между рассказом и повестью. Что объединяет эти жанры?
2. Сформулируйте и запишите не менее трёх признаков, по которым повесть можно отличить от других жанров.

Александр Сергеевич ПУШКИН

Над повестью «Дубровский» А. С. Пушкин работал с 1832 по 1833 год. Произведение не было опубликовано при жизни поэта, так как сам автор считал его незавершённым. Даже озаглавили повесть издатели, назвав произведение по имени главного героя.

Действие повести происходит в 1820-е годы и охватывает полтора года. В основе повести лежит история, рассказанная поэту его другом П. В. Нащокиным «об одном небогатом дворянине по фамилии Островский, который имел процесс с соседом на землю. Был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить». Известно, что перед написанием повести А. С. Пушкин побывал в Болдине и Пскове, где рассматривались подобные дела в суде.

ДУБРОВСКИЙ

(В сокращении)

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия[1] как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с долж-

[1] *Подобостра́стие* — льстивость, угодливость.

ным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. <...> С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; но они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях[1] с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне[2]. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф[3], приехал в своё поместие; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостаивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рождённые в одном

---

[1] *Сноше́ние* — связь, общение.

[2] *Остальна́я дере́вня* — последняя оставшаяся деревня.

[3] *Генера́л-анше́ф* — высший генеральский чин.

сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребёнку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменил.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезжее поле[1]. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным[2] быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своём собачьем языке. <...> Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими

---

[1] *Отъе́зжее по́ле* — отдалённое от поместья поле, куда выезжали на охоту.

[2] *Стремя́нный* — конюх-слуга, ухаживающий за верховой лошадью.

гостями <...>. Гости почитали обязанностию восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд людям вашим житьё такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее, и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа[1], а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Ил. Д. А. Шмаринова

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший

[1] *Холо́п* — крепостной слуга.

за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. <...>

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

<...> Письмо сие <...> рассердило Кирила Петровича <...> своею сущностью: «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностию, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили[1]. Обед в поле под палаткою также не удался или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского.

---

[1] *Протравить* — здесь: не поймать, упустить.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое своё владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сём происшествии в тот же день дошёл до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

[Троекуров поручает заседателю[1] Шабашкину отнять у Дубровского имение, которым когда-то владели предки Троекурова, но во время пожара пропали документы на покупку.]

---

[1] *Заседа́тель* — здесь: помощник судьи.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкою.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение[1], в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства. <...>

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился... <...> С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье[2] для выслушивания решения оного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали

---

[1] *Отноше́ние* — здесь: письмо.

[2] *Зе́мский судья́* — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда. <...>

[Очень запутанное постановление суда, которое предписывает вернуть всё имение с крестьянами, постройками и посевами Троекурову, поскольку нет документов, подтверждающих законность владения Дубровскими Кистенёвкой.]

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния[1] чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции[2] куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! Прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас ужо проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

---

[1] *Па́че ча́яния* — вопреки ожиданию.

[2] *Апелля́ция* — обжалование судебного приговора.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постели <…>. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. <…> Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком. <…> Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе[1] и выпущен был корнетом[2] в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти; играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей[3], Гриша,

---

[1] *Каде́тский ко́рпус* — закрытое среднее военно-учебное заведение для детей дворян.

[2] *Корне́т* — младший офицерский чин в кавалерии.

[3] *Кури́ть из янтаре́й* — курить из дорогих трубок с янтарными мундштуками.

его камердинер[1], подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начало Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы дескать ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырёва.

Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот ужо друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. <...> Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи,

---

[1] *Камерди́нер* — комнатный слуга.

заметя его беспокойство, ушли. <…> Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвёртые сутки.

[Со слов кучера Антона Владимир Дубровский узнаёт, как имение досталось Троекурову, почему заболел отец и что крестьяне не хотят принадлежать Троекурову.]

Тронутый преданностию старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зелёная кровля и бельведер[1] огромного каменного дома, на другом — пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями. Дубровский знал сии места; он вспомнил, что на сём самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, повинуясь честолюбию, общему и деревенским

[1] *Бельведе́р* — башенка над крышей дома.

кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилось. Перед собою видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошеный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошёл, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражён был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом. <...>

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения <...>. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика. <...>

Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошёл вон, не до тебя».

<...> Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противуположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальной у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его:

багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся… и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора… пошёл! — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». — «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо — и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сём происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь — не было уж и признака жизни в сём теле, ещё не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла,

слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

1. Перечитайте главу I. Установите, что объединяло Троекурова и Дубровского и чем они различались. Заполните таблицу.

Герой	Общее	Различия
Троекуров		
Дубровский		

2. На чём основывалась дружба Троекурова и Дубровского? Что стало причиной их ссоры? Перечитайте диалог на псарне. Почему слова псаря так задели Дубровского?
3. Как раскрывается характер Дубровского-старшего во время судебного разбирательства? Почему он так легкомысленно отнёсся к суду?

4. Рассмотрите иллюстрацию «Сцена в суде» Д. А. Шмаринова на форзаце 2. Какой момент действия изобразил художник? Какое место этот эпизод занимает в развитии сюжета повести? Подберите заголовок из текста к иллюстрации.
5. Похож ли Владимир Дубровский на своего отца? Какие черты характера демонстрирует сын в начале произведения? Перечитайте главу III. Подготовьте выборочный пересказ «Жизнь Владимира Дубровского в Петербурге».

Глава V

Похороны совершились на третий день. <…> Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с деревьев.

При выходе из рощи увидели кистенёвскую деревянную церковь и кладбище, осенённое старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери; там подле могилы её накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса[1]; он не плакал и не молился — но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. <...> Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу. <...>

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шёл, не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окружённой лесом; ручеёк извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастия. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблёклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома. <...>

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сюртуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

---

[1] *Кли́рос (кры́лос)* — место для певчих в церкви на возвышении перед алтарём.

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!.. <...>

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крякнул и произнёс охриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову». <...> Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным холоднокровием у весёлого исправника. — «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить иных прочих убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» — «А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш — молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? Барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Эй, староста, сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? Но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли.

Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!» — и вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собою дверь.

«Ребята, вязать», — закричал тот же голос, и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя, и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся, двор опустел. <...> Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся восвояси».

— Делайте, что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

Глава VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил её облокоченною на перилы, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными

стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в её спальной, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик <...>. Нет! Нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подьячих[1] доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью: письма моей жены. С сильным движением чувства Владимир принялся за них. <...> Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастия, и не заметил, как прошло время, стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. <...> Владимир с отвращением прошёл мимо их в переднюю. Двери были заперты. Не нашед ключа, Владимир возвратился в залу, — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением. «Что ты здесь притаился?» — спросил он кузнеца.

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выспись.

---

[1] *Подья́чий* — делопроизводитель и писарь в канцелярии.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было… да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора… Эк они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» — спросил Дубровский. «Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья». — «Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно». — «Шабаш», — промолвил Архип. «Спасибо, кормилец», — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал…»

— Тише! — перервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке[1], — отвечал Гриша.

— Поди, приведи её сюда да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подьячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

---

[1] *Светёлка* — небольшая комната, обычно в верхней части жилья.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажёг лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла трещали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». — «Как не так», — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окно, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть, — со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканием призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние.

— Чему смеётеся, бесенята, — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь, — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушёл; пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели

в то время, как повалилась кровля <...>. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный, виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а не кто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместия Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностию Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября — день храмового праздника в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

1. Почему Владимир Дубровский не позволяет своим крестьянам бунтовать?
2. Кратко расскажите о последней ночи Владимира Дубровского в родительском доме.
3. Составьте список действий, которые совершил Владимир Дубровский перед поджогом. Проанализируйте свои записи. Объясните, что движет Владимиром, когда он сам поджигает родной дом.
4. Как Троекуров объяснял, почему разбойники не трогали его поместья? Какое представление о главаре разбойников сложилось в округе?
5. Рассмотрите иллюстрацию «Пожар в Кистенёвке» Д. А. Шмаринова на форзаце 2. Устно опишите её, используя выражения из текста повести.

Глава VIII

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы ещё только несколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, и красота её была в полном цвете. Отец любил её до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим её прихотям, то пугая её суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в её привязанности, никогда не мог он добиться её доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Жёны и дочери соседей редко езжали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирила Петровича. Огромная библиотека, составленная большею частию из сочинений

французских писателей XVIII века, была отдана в её распоряжение. Отец её, никогда не читавший ничего, кроме «Совершенной поварихи», не мог руководствовать её в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она своё воспитание, начатое некогда под руководством мамзель Мими <...>. Мамзель Мими оставила по себе память довольно приятную. Она была добрая девушка и никогда во зло не употребляла влияния, которое, видимо, имела над Кирилом Петровичем, в чём отличалась она от других наперсниц, поминутно им сменяемых. Сам Кирила Петрович, казалось, любил её более прочих, и черноглазый мальчик, шалун лет девяти, напоминающий полуденные черты m-lle Мими, воспитывался при нём и признан был его сыном <...>. Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностию и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты[1] и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместным с терпением и опытностию, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

---

[1] *Аттеста́ты* — здесь: документы.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение. Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель[1], где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга иль мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на m-r Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колол себе лапы, осердясь, толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное

---

[1] *Фли́гель* — боковая пристройка при главном здании.

бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противуположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынником. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собою тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него… Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званью, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! Не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уже его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности, Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю уже не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама ещё в том себе не признаваясь.

ТОМ ВТОРОЙ

Глава IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие — у приказчика, третьи — у священника, четвёртые — у зажиточных крестьян. Конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё потянулось к новой каменной церкви, построенной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почётных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти и в ограде. Обедня

не начиналась, ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернёю и торжественно пошёл на своё место, сопровождаемый Мариею Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на неё; первые удивлялись её красоте, вторые со вниманием осмотрели её наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на крылосе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул и о зиждителе[1] храма сего.

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошёл ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним. Комнаты наполнились гостями. Поминутно входили новые лица и насилу могли пробраться до хозяина. <…> В зале накрывали стол на 80 приборов. Слуги суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «Кушание поставлено», — и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

<…> Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей, Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастием хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми. «Это кто?» — спросил хозяин. «Антон Пафнутьич», — отвечали несколько голосов.

[Опоздавшим был Антон Пафнутьич Спицын, некогда подтвердивший незаконность владения Дубровских Кистенёвкой. Спицын побоялся ехать через Кистенёвскую рощу, поэтому опоздал.]

---

[1] *Зижди́тель* — творец, создатель, основатель.

Кирила Петрович <...> обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Сущая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирила Петрович, — а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

[Анна Савишна Глобова рассказывает историю о том, как она с приказчиком пыталась отправить 2000 рублей сыну Ванюше. Приказчик сказал, что деньги у него забрал Дубровский. Помещица поверила, но через несколько дней к ней приехал «генерал», который уличил приказчика во лжи. На самом деле Дубровский, прочитав письмо, вернул деньги, так как не хотел обижать офицера, каким был когда-то сам. Приказчик деньги украл. По приказу «генерала» он вернул деньги.]

Все слушали молча рассказ Анны Савишны, особенно барышни. Многие из них втайне ему доброжелательствовали, видя в нём героя романического, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница <...>.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский, — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать.

— Не знаю, а уж, верно, не Дубровский. Я помню его ребёнком; не знаю, почернели ль у него волоса, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следственно, ему не 35, а около 23-х.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду 23-й год.

— А! — сказал Кирила Петрович. — Кстати: прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы, авось в глаза попадётся, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностию и стал читать нараспев:

«Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

От роду 23 года, роста середнего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось». <...>

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свёл. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой. <...>

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил, да и сам Дубровский не

вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступиться в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович, — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своём косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа. — Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич почёсываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза <...>. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шёл о его храбрости, спокойно сидел на своём месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трёх часов, кончился <...>.

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. <...> Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать. <...>

[Антон Пафнутьич носил при себе все свои сбережения в кожаной сумке. Вынужденный остаться ночевать у Троекурова, он очень боялся воров, поэтому попросил сам у Дефоржа переночевать в его комнате.]

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём, Антон Пафнутьич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму, дабы удостовериться, что деньги его ещё при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сём неутешительном осмотре. Двери запирались одною задвижкою, окна не имели ещё двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнутьич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу. <...>

Антон Пафнутьич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, другою отстёгивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се?[1] — произнёс он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я Дубровский.

Глава XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы ещё рассказать.

---

[1] *Что это значит, сударь, что это значит?* (франц.).

На станции ** в доме смотрителя, о коем мы уже упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца или иностранца, т. е. человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою. <...>

[На эту же станцию приехал и Дубровский. В разговоре с иностранцем, он узнал, что это француз Дефорж, которого Троекуров нанял в учителя для сына Саши. Дефоржа никто не знал в лицо в имении Троекурова. Дубровский предложил французу 10 000 рублей, чтобы тот отдал ему рекомендательные письма и паспорт и уехал навсегда из России. Француз согласился.]

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать[1] и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя: Кирила Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому, несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник,

[1] *Пове́сничать* — бездельничать.

коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло статься и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника. <…>

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровии. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чём не бывало. Через несколько минут слуга вошёл и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на увещания хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал её гордость и боязливые сомнения. Она с большей и большей доверчивостью предавалась

увлекательной привычке. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всём хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была ещё влюблена, но при первом случайном препятствии или внезапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в её сердце.

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон[1] с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в

[1] *Бостóн* — карточная игра.

темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют… я должен вас оставить, — сказал он наконец… — Вы скоро, может быть, услышите… Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться…

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет

опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастия. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился в снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастие вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа — обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбегались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирила Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтоб отсутствие её не было замечено. В зале встретил её Кирила Петрович, гости окружали исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-r Деформа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. — Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хвалёные приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться. Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постелю и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели её, насилу-насилу успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, грозно насвистывая «Гром победы раз-

давайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупреждён. Но кем и как? это оставалось тайною. <...>

1. Почему Дубровский оказался «главарём разбойников»? Почему крестьяне поддержали молодого хозяина?
2. Как к Дефоржу относились в Покровском Троекуров, Саша, Маша? Составьте схему, отражающую поступки Дефоржа-Дубровского в Покровском и отношение к нему окружающих. Почему он отказался от мести?
3. Опишите Марью Кириловну Троекурову. Как развиваются её чувства к Дефоржу-Дубровскому? Почему девушка не сбежала с ним?

4. Перечитайте письмо с приметами Дубровского. Почему оно вызвало насмешку у Троекурова? Какие дополнения вы бы предложили внести в этот текст? Составьте свою инструкцию для оперативной работы по поиску разбойника Дубровского.

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В 30 верстах от него находилось богатое поместие князя Верейского. <...> В конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню <...> и на третий день по своём приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старее. Излишества всякого рода изнурили его здоровие и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность <...>. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повёл на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос

платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стрижеными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады[1] и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле её. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой[2]; он предпочёл прогулку в линейке[3], с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. <...>

[Троекуров рассказывает Верейскому о Дубровском-младшем.]

Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменил разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усильные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское

---

[1] *Англи́йские сады́* — сады с озёрами, прудами, искусственными развалинами и скалами.

[2] *Пода́гра* — болезнь суставов.

[3] *Лине́йка* — открытая многоместная коляска.

достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густозелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид. <...>

[Рассказом о картинах Верейский очаровал Марью Кириловну. После обеда гостей катали на лодках, а ужин завершился фейерверком.]

<...> Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

Глава XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пяльцах, перед открытым окошком. <...>

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пяльцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастие. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, т. е. о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и с жадностию бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле, оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 час. на прежнем месте».

Глава XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помочь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастие ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам ни одной минуты счастия; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Если ж не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался. Маша плакала...

— Бедная, бедная моя участь, — сказал он, горько вздохнув. — За вас отдал бы я жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. И когда открывается для меня возможность прижать вас к волнуемому сердцу и сказать: ангел, умрём! бедный, я должен остерегаться от блаженства, я должен отдалять его всеми силами. Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду. О, как должен я ненавидеть того... но чувствую, теперь в сердце моём нет места ненависти.

Он тихо обнял стройный её стан и тихо привлёк её к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностию своей не-

весты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился <...> и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому? Разве я вам надоела? Я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька; не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастия. Слёзы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра, — вскрикнула Маша. — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника,

о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров. — Угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка <...>. Главное было для неё: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для неё раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и ещё раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдёт она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась, но дверь её заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал её выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорблённая, она села под окошко и до глубокой ночи сидела, не раздеваясь, неподвижно глядя на тёмное небо. На рассвете она задремала <...>.

Глава XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатово и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею

не говорил <...>. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу, голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба; в это время камушек ударился в окно её, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему.

[Марья Кириловна попросила Сашу положить кольцо Дубровского в дупло.]

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг рыжий и косой оборванный мальчишка мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за него обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе какое дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во всё горло: «Воры, воры — сюда, сюда...»

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по-видимому, двумя годами старее Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увёртливее. Они боролись

Ил. В. Ермолова

несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли…

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина…

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо!

— Погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведём его на расправу к приказчику.

Садовник повёл пленника на барской двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна… да то кольцо…

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька… Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую берёзовую розгу…

— Постойте, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, и я спрятал его в дупло, и… и… этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать… Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал и положил кольцо, а этот скверный мальчик…

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «Чей ты?»

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаёшь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моём саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина: каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всём признаешься, так я тебя не высеку, дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь, да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчишку на голубятню, запер его там, и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы». — Может быть, я наконец нашёл на его горячие следы, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник».

— Эй, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошёл в комнату весь запылённый.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев 13-летнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повёл его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетьми и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. — Развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, — сказал исправник. Мальчик подошёл к Кирилу Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперёд не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучал в окошко; окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где ж ты пропадал, бесёнок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на вот тебе ломотик, — и сунула в окошко ломоть чёрного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и, жуя, мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами[1] и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих

---

[1] *Ови́н* — хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто и стал слушать; лёгкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки суетились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кирилловну <...>.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С Богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ[1], — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать[2] и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражён её бледностию и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала,

---

[1] *Óбраз* — здесь: икона.

[2] *Посажёная мать* — женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она <…> слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать её приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» — «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твёрдостию, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже её не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряжённых, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

1. Опишите князя Верейского (внешность, возраст, состояние, манеры поведения). В чём его можно сравнить с Владимиром Дубровским, а в чём — с Троекуровым?
2. Как Кирила Петрович отреагировал на мольбы Маши не выдавать её замуж за князя Верейского? Оцените его действия.
3. Перечитайте эпизод с кольцом. Какими изображены мальчики на иллюстрации (с. 207)? Оцените поступок Саши: помог ли он сестре?
4. Как чувствовала себя Марья Кириловна во время венчания? Опишите её мысли и состояние.

5. Подготовьте выборочный пересказ о нападении Дубровского на карету Верейских после венчания: вариант 1 — от лица Дубровского; вариант 2 — от лица Маши; вариант 3 — от лица князя Верейского. Какой из вариантов пересказа будет самым напряжённым?
6. Какой нравственный урок даёт Марья Кириловна Дубровскому, отказываясь ехать с ним?

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны. <...> Разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть по русскому обыкновению. <...> В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою, раненый Дубровский лежал на походной кровати. <...> Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Стёпка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка, Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут». Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определённое место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошёл к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам. «Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова всё утихло. <...>

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. <...> Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

1. Перечитайте речь, с которой Владимир Дубровский обратился к своим крестьянам в конце произведения. Почему Владимир Дубровский покинул своих крестьян? Как вы думаете, прислушались ли крестьяне к советам Дубровского?

2. Найдите описания Покровского и Кистенёвки. Как они связаны между собой? В каких эпизодах пейзаж передаёт состояние Владимира Дубровского? Подготовьте выразительное чтение (или художественный пересказ) одного из них. Укажите, какие средства художественной выразительности подчёркивают состояние Дубровского.
3. В какой момент в повести нарушается хронологическая последовательность в изложении событий? Почему автор прибегает к этому приёму? Как читатель узнаёт, кто такой Дефорж?
4. Кто из героев повести принадлежит к старшему поколению, а кто — к младшему? Определите, по каким признакам можно обнаружить сходство и чем различаются эти герои.
5. Как в повести используется антитеза? Можно ли утверждать, что этот приём используется не только по отношению к главным героям повести?

6. Подготовьте историческую справку о 1820-х годах. Какие особенности государственного уклада и управления отразил в повести А. С. Пушкин? Какие ещё прочитанные ранее произведения ставят похожие общественные проблемы?

7. А. С. Пушкин любил составлять план своих произведений. Один из вариантов плана повести «Дубровский» был таким:

«Ссора. Суд. Смерть.

Пожар. Учитель. Праздник. Объяснение.

Кн. Верейский. Визит. 2 визит. Сватовство. Свидание. Письмо перехваченное. Свадьба, отъезд. Команда, сражение. Распущенная шайка.

Жизнь Марьи Кириловны. Смерть князя Верейского. Вдова. Англичанин. Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка».

Пушкин не воплотил свою идею полностью. Какие части повести оказались недописанными? Какие события могли в них происходить? Как ещё можно продолжить повесть?

8. Из предложенного списка выберите афоризм, который, по-вашему, наиболее точно передаёт основную проблему повести «Дубровский». Поясните своё мнение.

1. Пока люди любят, они прощают *(Ф. де Ларошфуко)*.
2. Там, где замешано честолюбие, нет места чистосердечию *(О. де Бальзак)*.
3. Несправедливость достигается двумя способами: или насилием, или обманом *(Цицерон)*.
4. Благородная цель облагораживает деятельность во имя этой цели *(М. Монтень)*.
5. Умение прощать — свойство сильных. Слабые никогда не прощают *(М. Ганди)*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аллего́рия — иносказание, способ маскировки настоящего смысла, который автор хочет спрятать за образами.

Аллитера́ция — разновидность звукописи, повтор одинаковых (созвучных) согласных звуков.

Амфибра́хий — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге.

Ана́пест — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на третьем слоге.

Антите́за — противопоставление образов, поступков, картин, слов, понятий (как правило, это антонимы).

Ассона́нс — разновидность звукописи, повторение гласных звуков.

Ба́сня — небольшой стихотворный или прозаический рассказ, основанный на использовании аллегории, имеющий поучительный вывод — мораль.

Были́на — жанр устного народного творчества, повествующий о героических событиях из русской истории IX—XIII веков.

Да́ктиль — трёхсложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге.

Житие́ — произведение о жизни христианских святых.

Зву́копись — повторение определённых звуков для передачи природных явлений или состояния человека.

Компози́ция — это построение произведения, последовательность его частей или других элементов.

Ле́топись — жанр древнерусской литературы, в котором содержится документальное изложение каких-либо прошлых или современных летописцу событий.

Мета́фора — использование слова в переносном значении, при котором происходит уподобление одного предмета другому по сходству.

Миф — это повествование о богах и героях.

Моноло́г — развёрнутое высказывание, речь одного человека, обращённая к самому себе (или к читателю, зрителю), которая представляет собой размышление о каком-то событии и его оценку.

Мора́ль — краткий поучительный вывод, которым обычно заканчивается басня.

Олицетворе́ние — наделение какого-либо предмета или явления свойствами живого существа.

По́весть — средний эпический жанр, который по объёму меньше романа, но больше рассказа.

Посла́ние — небольшое стихотворение в форме письма с обращением к конкретному человеку; отличается эмоциональностью и торжественностью, содержит просьбу или пожелание автора.

Поуче́ние — произведение, в котором содержатся наставления о правилах поведения.

Расска́з — небольшое произведение, которое повествует, как правило, об одном случае из жизни какого-либо героя.

Ритм стихотво́рный — равномерное чередование каких-либо фрагментов в стихотворении (строк с определённым количеством слогов, ударных и безударных слогов в одной строке и т. д.).

Сати́ра — резкое обличение людских пороков, отрицательных явлений действительности.

Сказа́ние — жанр древнерусской литературы, в котором повествуется об историческом лице или событии.

Ска́зка — небольшое эпическое произведение со счастливым финалом, основанное на вымысле и использовании фантастики.

Сравне́ние — сопоставление одного предмета или явления с другим. Часто вводится союзами *как, будто, словно*.

Стопа́ — несколько слогов в стихотворной строке, объединённых одним ударением. Бывают двусложные и трёхсложные стихотворные стопы.

Сюже́т — это последовательность событий, описанных в произведении.

Хоре́й — двусложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге.

Худо́жественная дета́ль — средство создания образа; важная мелочь, выразительная подробность, которая позволяет выделить самое существенное в герое или событии, передаёт авторское отношение к происходящему в произведении.

«Чи́стое иску́сство» — это искусство для искусства, где воспевались красота природы и человека, любовь и радостное отношение к жизни, передавались тончайшие впечатления и ощущения автора.

Эпи́тет — образное определение.

Ю́мор — изображение чего-то в смешном виде; весёлый, добродушный смех.

Ямб — двусложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Алимов, С. А. Иллюстрация к произведению «Толстый и тонкий» [Электронный ресурс] / С. А. Алимов. — Режим доступа : https://info-shkola.ru/analiz-tolstyj-i-tonkij/.

Бегалов, Д. Р. Толстый и тонкий : скульптура [Электронный ресурс] / Д. Р. Бегалов. — Режим доступа : https://ok.ru/ruskompasru/topic/66110616144878.

Блок, А. А. Летний вечер [Электронный ресурс] / А. А. Блок. — Режим доступа : https://russian-poetry.com/blok-aleksandr-aleksandrovich/page/3/.

Бондар, С. Крылов, И. А., портрет [Электронный ресурс] / С. Бондар. — Режим доступа : http://nbrb.ru/?p=45445.

Васнецов, В. М. Иллюстрация к произведению «Илья Муромец и Соловей Разбойник» [Электронный ресурс] / В. М. Васнецов. — Режим доступа : http://www.museumsyndicate.com/item.php?item=51263.

Васнецов, В. М. Иллюстрация к произведению «Песнь о вещем Олеге» [Электронный ресурс] / В. М. Васнецов. — Режим доступа : http://historicaldis.ru/blog/43608042240/Pesn-o-veschem-Olege,-illyustratsii-Viktora-Mihaylovicha-Vasnets?tmd=1.

Веласкес, Д. Эзоп [Электронный ресурс] / Д. Веласкес. — Режим доступа : https://artchive.ru/diegovelazquez/works/4331~Ezop.

Волхонская, Г. С. Иллюстрация к произведению «Соловьи» [Электронный ресурс] / Г. С. Волхонская. — Режим доступа : http://dirtysoles.1bb.ru/viewtopic.php?id=1393&p=8.

Воробьёв, Б. Я. Хамелеон : статуэтка [Электронный ресурс] / Б. Я. Воробьёв. — Режим доступа : https://farfor.club/katalog/lfz/hameleon/.

Герасимов, С. В. Иллюстрация к произведению «Хамелеон» [Электронный ресурс] / С. В. Герасимов. — Режим доступа : https://yandex.ru/collections/user/legich1988/.

Дудин, А. Л. Иллюстрация к произведению «Хамелеон» [Электронный ресурс] / А. Л. Дудин. — Режим доступа : https://avatars.mds.yandex.net/get-pdb/49816/1ef71395-9b00-445b-baf2-3c5187c9126c/s1200?webp=false.

Ермолов, В. Иллюстрация к произведению «Дубровский» [Электронный ресурс] / В. Ермолов. — Режим доступа : http://russkay-literatura.ru/pushkin/16-pushkin-as-dubrovskij.html.

Журавлёв, Ф. С. Перед венцом [Электронный ресурс] / Ф. С. Журавлёв. — Режим доступа : https://yandex.by/collections/card/5b451206467d0824573e7fbf/.

Заболотский, П. Е. Лермонтов М. Ю., портрет [Электронный ресурс] / П. Е. Заболотский. — Режим доступа : https://www.tretyakovgallery.ru/collection/portret-poeta-mikhaila-yurevicha-lermontova/.

Заболоцкий, Н. А. Стихотворения. Россия — Родина моя / Н. А. Заболоцкий. — М. : Художественная литература, 1967. — (Библиотечка русской советской поэзии в пятидесяти книжках).

Клодт, П. К. Памятник И. А. Крылову [Электронный ресурс] / П. К. Клодт. — Режим доступа : http://www.mytravelbook.org/objects/pamjatnik_krylovu_i_a/.

Крылов, И. А. Полное собрание сочинений / И. А. Крылов. — М. : ОГИЗ, 1946. — Т. 3 : Басни.

Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 6 т. / А. И. Куприн. — М. : Гослитиздат, 1957. — Т. 2.

Курочкин, А. И. Памятник А. П. Чехову [Электронный ресурс] / А. И. Курочкин. — Режим доступа : http://www.mytravelbook.org/objects/pamjatnik_chehovu_-_zvenigorod/.

Лаптев, А. М. Иллюстрация к произведению «Волк и ягнёнок» [Электронный ресурс] / А. М. Лаптев. — Режим доступа : https://yandex.by/collections/card/5b52e30771f6a00089a88b35/.

Лаптев, А. М. Иллюстрация к произведению «Квартет» [Электронный ресурс] / А. М. Лаптев. — Режим доступа : https://public.fotki.com/Vakin/aa7ae/ggda1/181jc/261.html.

Лермонтов, М. Ю. Парус : акварель [Электронный ресурс] / М. Ю. Лермонтов. — Режим доступа : https://omiliya.org/sites/default/files/img_articles/morskoy_vid_s_parusom_akvarel_lermontova.jpg.

Лермонтов, М. Ю. Сочинения : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. — М. : Правда, 1988. — Т. 1.

Лосин, В. Н. Иллюстрация к произведению «Песнь о вещем Олеге» [Электронный ресурс] / В. Н. Лосин. — Режим доступа : https://dlyarazvitiya.ru/skazki-dlay-detey/russkie-skazochniki/skazki-pushkina/pesn-o-veshhem-olege/.

Мушинская, Т. Ф. Русская литература : учеб. пособие для 6 кл. учрежд. общ. сред. образования с рус. и бел. яз. обучения / Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная, С. Н. Каратай. — Минск : Национальный институт образования, 2014. — 352 с.

Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. — Л. : Наука, 1981. — Т. 2.

Пахомов, А. Ф. Иллюстрация к произведению «Бежин луг» [Электронный ресурс] / А. Ф. Пахомов. — Режим доступа : http://www.literaturus.ru/2015/11/illjustracii-rasskaz-Bezhin-lug-Turgenev-kartinki-risunki.html?showComment=1542990511175.

Попов, А. А. Иллюстрация к произведению «Демьянова уха» [Электронный ресурс] / А. А. Попов. — Режим доступа : http://www.bibliotekar.ru/Kartiny2/23.html.

Пушкин, А. С. Дубровский / А. С. Пушкин ; худ. Д. А. Шмаринов. — М. : Детская литература, 1978.

Пушкин, А. С. Песнь о вещем Олеге // Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1977—1979. — Т. 2.

Пушкин, А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. — СПб. : Золотой век : Диамант, 1997.

Пчелко, И. И. Иллюстрация к произведению «Уроки французского» [Электронный ресурс] / И. И. Пчелко. — Режим доступа : http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2619406-uroki-francuzskogo-kakoe-kratkoe-soderzhanie-dlja-chitatelskogo-dnevnika.html.

Распутин, В. Г. Живи и помни : сб. / В. Г. Распутин. — М. : Панорама. — 2001.

Рачёв, Е. М. Иллюстрация к произведению «Квартет» [Электронный ресурс] / И. Е. Репин. — Режим доступа : http://rushist.com/index.php/rus-literature/4563-krylov-kvartet-chitat-onlajn-polnostyu.

Репин, И. Е. Бурлаки на Волге [Электронный ресурс] / И. Е. Репин. — Режим доступа : https://cont.ws/@sportageas/1085387.

Репин, И. Е. Тургенев И. С., портрет [Электронный ресурс] / И. Е. Репин. — Режим доступа : https://artchive.ru/ilyarepin/works/32981~Portret_I_S_Turgeneva.

Рерих, Н. К. Илья Муромец. Сюита «Богатырский фриз» : декоративное панно [Электронный ресурс] / Н. К. Рерих. — Режим доступа : http://www.virtualrm.spb.ru/ru/node/4930.

Русская советская поэзия 50—70-х годов : хрестоматия / сост. И. И. Розанов. — Минск : Вышэйшая школа, 1982.

Толстой, А. К. Илья Муромец [Электронный ресурс] / А. К. Толстой. — Режим доступа : https://biblioteka.by/18/Tolstoy,Aleksey_Konstantinovich/000004tol.html.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука, 1979. — Т. 3.

Фет, А. А. Собрание сочинений в двух томах / А. А. Фет. — М. : Художественная литература, 1982. — Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. Переводы.

Флёрова, Е. Н. Чехов А. П., портрет [Электронный ресурс] / Е. Н. Флёрова. — Режим доступа : https://www.liveinternet.ru/users/5031314/post429394224/.

Шишкин, И. И. На севере диком [Электронный ресурс] / И. И. Шишкин. — Режим доступа : https://regnum.ru/pictures/2011928/49.html.

Шишкин, И. И. Среди долины ровныя [Электронный ресурс] / И. И. Шишкин. — Режим доступа : https://iralebedeva.ru/poezia_14.html.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА (6)

Русские былины 6
Илья Муромец и Соловей Разбойник *(В сокращении)* 7
Жанровые особенности былины 14
А. К. Толстой 16
Илья Муромец *(В сокращении)* 17

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (19)

Летописи 22
Сказание о смерти князя Олега 23
А. С. Пушкин 25
Песнь о вещем Олеге 25

БАСНЯ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР (31)

И. А. Крылов 33
Волк и Ягнёнок 33
Квартет 35
Демьянова уха 37
Особенности басен И. А. Крылова 39

РАССКАЗ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР (40)

И. С. Тургенев 41
Бежин луг *(Из «Записок охотника»)* 42
Монолог 66
А. П. Чехов 67
Хамелеон 68
Сюжет рассказа 73
Композиция рассказа 74
Толстый и тонкий 76
Художественная деталь 78
А. И. Куприн. Тапёр *(В сокращении)* 80
Литературный портрет 96
В. Г. Распутин 97
Уроки французского *(В сокращении)* 98
Конфликт в художественном произведении 123

СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ЛИРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ (124)
А. С. Пушкин 126
Няне 127
Зимнее утро 128
Двусложные и трёхсложные стихотворные размеры 129
«Мой первый друг, мой друг бесценный!..» 132
М. Ю. Лермонтов 133
Парус 134
Тучи 135
Утёс 136
«На севере диком...» 137
Н. А. Некрасов. На Волге *(В сокращении)* 138
Антитеза 143
Соловьи 144
А. А. Фет 146
«Летний вечер тих и ясен...» 147
«Скрип шагов вдоль улиц белых...» 148
Бабочка 149
Понятие «чистое искусство». Звукопись 150
А. А. Блок 152
Летний вечер 153
Н. А. Заболоцкий 154
Одинокий дуб 155
Н. М. Рубцов 156
Звезда полей 157

ПОВЕСТЬ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР (159)
А. С. Пушкин. Дубровский *(В сокращении)* 160

Словарь литературоведческих терминов 218
Список использованных источников 220

(Название и номер учреждения общего среднего образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			

Учебное издание

Захарова Светлана Николаевна
Юстинская Гюльнара Мансуровна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 6 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

В двух частях
Часть 1

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко*
Редактор *Т. В. Примачёнок*
Обложка художника *З. П. Болтиковой*
Художественный редактор *Е. П. Протасеня*
Художник *В. А. Протасеня*. Компьютерная вёрстка *О. М. Брикет*
Корректоры *Е. В. Шобик, Д. Р. Лосик, В. П. Шкредова, С. С. Михнёнок*

Подписано в печать 12.03.2019. Формат $70\times90\ ^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 129 640 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь. Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/263 от 02.04.2014. Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

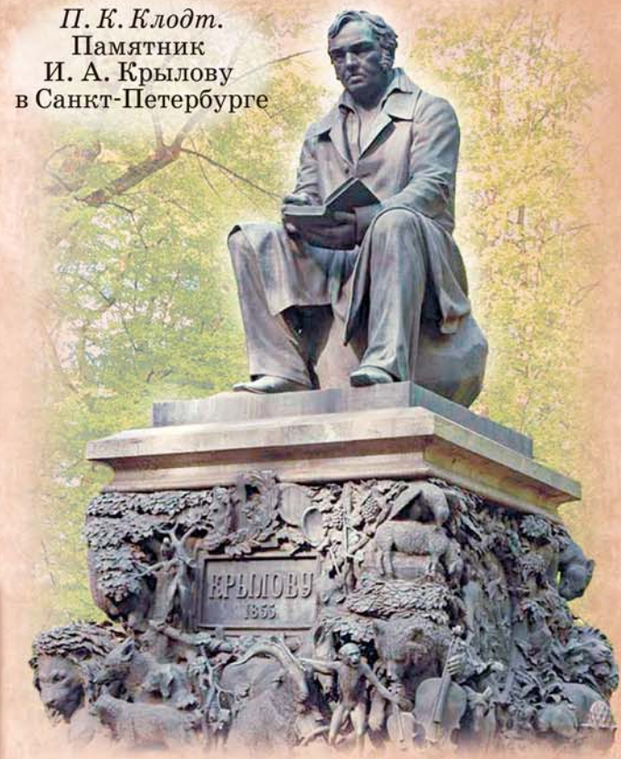
ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск

Киево-Печерская лавра

Повесть временных лет

А. М. Лаптев. Квартет

П. К. Клодт.
Памятник
И. А. Крылову
в Санкт-Петербурге



Вещий Олег,
князь новгородский,
великий князь киевский

Владимир Святославич,
князь киевский,
при котором произошло
крещение Руси

В. М. Васнецов.
Нестор-летописец

С. Д. Шапошников, Д. В. Горлов.
Рельефы к басням И. А. Крылова

Д. Веласкес.
Эзоп

Остромирово Евангелие

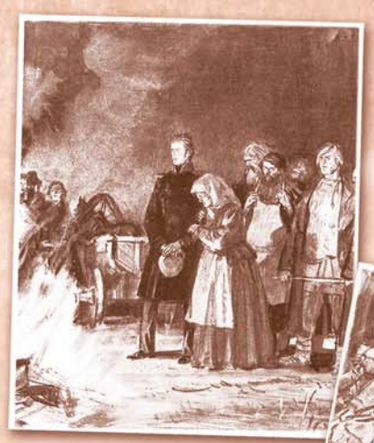
Миниатюра «Евангелист Лука»
и буквицы из Остромирова Евангелия

Новгородская
псалтырь

П. К. Клодт. Демьянова уха
(фрагмент памятника)

В. Курочкин.
Памятник А. П. Чехову
в Звенигороде

Домик Чехова –
мемориальный музей
в Таганроге



Д. А. Шмаринов.
Иллюстрации к повести
«Дубровский»

Прижизненное издание
А. П. Чехова с автографом

Современные
издания
А. П. Чехова

А. С. Пушкин.
Предполагаемый портрет
В. Дубровского
(рисунок в рукописи)

Д. Р. Бегалов.
Толстый и тонкий
(парк скульптур по произведениям
А. П. Чехова в Таганроге)

Б. Я. Воробьёв.
Хамелеон
(статуэтка
из фарфора)

Ф. С. Журавлёв.
Перед венцом

С. Даниленко.
Иллюстрация к повести
«Дубровский»